

18+

The Chase

ПОГОНЯ

Вначале меня влекло к нему лишь физически, но теперь все изменилось. *Саммер*
Меня никогда ни к кому так не тянуло, и это пугает меня до чертиков. *Фитц*

ЭЛЬ КЕННЕДИ

Эль Кеннеди
Погоня
Серия «Love&Game»
Серия «Университет Брайар», книга 1

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38304269*

*Погоня. Роман: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-118266-3*

Аннотация

Колин Фитцджеральд – моя полная противоположность. Но меня все равно отчаянно влечет к нему. Обычно накачанные парни в татуировках не мой типаж, тем более что он сам обо мне не самого высокого мнения. Только вот как долго мы сможем противостоять притяжению, будучи соседями по комнате?

Содержание

1	5
2	21
3	36
4	50
5	54
6	66
7	78
8	90
9	103
10	115
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Эль Кеннеди

Погоня

Роман

Elle Kennedy
The Chase

* * *

Copyright © 2018. THE CHASE by Elle Kennedy
© В. Коваленко, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

1

Саммер

– Это шутка?

Открыв рот, я смотрю на пятерых девушек, вершащих надо мной суд. Они кажутся мне похожими из-за гримасы самодовольства, безуспешно скрытой под маской наигранного потрясения. Да они наслаждаются происходящим!

– Прости, Саммер, но это не шутка, – отвечает Кая с жалостливой обманчивой улыбкой. – Являясь комитетом по стандартам, мы очень серьезно относимся к репутации Каппа Бета Ну. Этим утром мы получили сообщение от членов организации.

– О, правда? Вы получили сообщение? Телеграмму?

– Нет, это было электронное письмо, – уже без сарказма говорит она, смахивая легким движением руки блестящие волосы за плечо. – Комитету напомнили, что каждая участница женского общества должна соблюдать установленные стандарты поведения, иначе отделение потеряет благосклонность членов организации.

– Мы *должны* оставаться на хорошем счету, – умоляет меня взглядом Бьянка. Из этих пяти стерв она кажется самой рассудительной.

– Особенно после того, что случилось с Дафни Кеттл-

мен, — добавляет девушка, чье имя не могу вспомнить.

— А что случилось с Дафни Кеттлмен? — меня охватывает любопытство.

— Отравление алкоголем. — Четвертая девушка, по-моему, Хейли, понижает голос до шепота и быстро оглядывается по сторонам, словно опасаясь, что среди мебели в гостиной особняка Каппы могла быть спрятана пара «жучков».

— Ей пришлось промыть желудок. — В голосе собеседницы слышится ликование, от чего я невольно задаюсь вопросом: так ли уж она переживает за едва не погибшую Дафни Кеттлмен.

— Хватит говорить о ней, — резким голосом одергивает Кая. — Не стоило вообще об этом упоминать, Корал.

Корал! Точно! Еще четверть часа назад, когда девушка представилась, я отметила нелепость имени.

— Мы не произносим ее имя в стенах Каппа, — поясняет Кая.

Гос-с-споди! Из-за одного промывания желудка Дафна превратилась в Волан-де-Морта, Того-Чье-Имя-Нельзя-Называть?! Здесь царят гораздо более суровые нравы, чем в отделении Брауна.

Эти нахалки выгоняют меня из дома даже раньше, чем я успела въехать.

— Ничего личного, — продолжает Кая, одаривая меня очередной фальшивой утешительной улыбочкой. — Репутация очень важна для нас, и хотя ты наследница...

– Наследница председателя, – подчеркиваю я. Вот так! Прямо тебе в лицо, Кая! Моя мама, как и бабушка когда-то, была председателем отделения. Женщин семейства Хейворд невозможно представить без Каппа Бета Ну, как любого из братства Хемсфорт без подкачанного пресса.

– Наследница... – повторяет она. – Однако теперь мы не почитаем преемственность родственных уз так строго, как раньше.

«Родственные узы»? Что за выражение из прошлого века?

– Как я уже сказала, у сестринства свои правила и политика. А ты покинула Браун не самым лучшим образом.

– Меня не выгнали из Каппы, – возражаю я. – Только из школы!

– И для тебя это повод для гордости? – с недоверием смотрит на меня Кая. – Исключение из лучшего учебного заведения страны?

– Нет, я этим не горжусь, – отвечаю сквозь стиснутые зубы. – Просто напоминаю, что фактически еще являюсь членом женского общества.

– Может быть и так, но это еще не дает тебе права жить в этом доме. – Кая, одетая в белый мохеровый свитер, демонстративно скрещивает руки на груди.

– Ясно. – Копирую ее позу, только скрещивая ноги.

Завистливый взгляд Каи спускается на мои черные замшевые сапоги от Prada, подаренные бабушкой к поступлению в Брайар. Я здорово посмеялась, открывая посылку про-

шлым вечером: вряд ли Бабуля Селеста понимает, что переезд связан с исключением из другой школы. Хотя, готова поспорить, что ей все равно: она моя родственная душа и всегда найдет повод, чтобы надеть Prada.

– А ты не подумала, – продолжаю я, находясь уже на грани, – что стоило сообщить об этом *до того*, как я упакую вещи, сделаю долгий путь из Манхэттена и войду в парадную дверь?

– Мне правда жаль, Саммер. – Из всех лишь Бьянка выглядит виноватой. – Но, как сказала Кая, члены организации связались с нами только сегодня утром, пришлось срочно проголосовать и...

Она слабо пожимает плечами и повторяет еще раз:

– Прости.

– Значит, вы проголосовали и решили, что мне нельзя здесь жить?

– Да, – говорит Кая.

Я обвожу взглядом остальных.

– Хейли?

– Халли, – поправляет девушка ледяным тоном.

Ох, да плевать! Мы только что познакомились, и я не обязана верно помнить все имена.

– Корал? – Я смотрю на следующую девушку.

И на следующую. Черт. Ее имя я совсем не помню.

– Лаура? – пробую угадать.

– Тони, – огрызается она.

Упс! Промашка вышла!

– Тони, – повторяю я извиняющимся тоном. – Девчонки, вы точно уверены?

Все трое синхронно кивают.

– Классно. Спасибо, что потратили мое время.

Встав, я бегло провожу руками по волосам, перебрасывая их на одно плечо, затем энергично повязываю красный кашемировый шарф вокруг шеи. Возможно, слишком яростно, потому что это, кажется, раздражает Каю.

– Перестань драматизировать, – язвительно приказывает она. – И не веди себя так, будто *мы* виноваты в том, что твой бывший дом превратился в пепелище. Прости, если мы не хотим жить с *поджигательницей*.

– Я. Ничего. Не. Поджигала. – Изо всех сил стараюсь держать себя в руках.

– А сестры из отделения Браун так не считают, – поджигает губы Кая. – В любом случае, через десять минут у нас собрание. Тебе пора.

– Еще одно собрание? Вы только посмотрите! Какой плотный график сегодня!

– В канун Нового года мы организовываем благотворительную акцию по сбору денег, – встает в позу Кая.

Вот я растяпа!

– И в честь чего акция?

– О, – смущается Бьянка, – мы собираем деньги на ремонт подвала здесь, в особняке.

О боже! Они уверены, что знают значение данного слова?

– Тогда не буду вам мешать. – Усмехнувшись, я выхожу из комнаты.

Уже в коридоре чувствую, что еще немного и расплачусь. Да пошли они! Обойдусь и без их тупых женских общин.

– Саммер, подожди!

Бьянка догоняет меня у входной двери. Быстро натягиваю улыбку и смахиваю слезы, готовые вот-вот пролиться. Я не собираюсь показывать, что расстроена. Подспудно хвалю себя, что оставила чемоданы в машине и пришла только с большой сумкой. Как унижительно, наверное, было бы тащить все вещи обратно? Пришлось бы даже ходить туда-сюда несколько раз, потому что налегке я не путешествую.

– Послушай, – говорит Бьянка так тихо, что мне приходится напрячь слух, – считай, что тебе повезло.

– Остаться без крыши над головой? Конечно, мне подфартило.

Она расплывается в улыбке.

– Твоя фамилия Хейворд-Ди Лаурентис. Ты никогда не станешь бездомной.

Смущенно ухмыляюсь: с этим не поспоришь.

– Но я не шучу, – шепчет она, – тебе лучше не жить здесь.

Взгляд ее миндалевидных глаз устремляется к двери.

– Кая ведет себя как сержант-инструктор, она упивается властью, поскольку лишь год назад стала председателем Каппа.

– Заметно, – сухо бросаю я.

– Ты бы видела, что она сделала с Дафни! Притворялась, что все из-за алкоголя, но на самом деле Даф переспала с ее бывшим парнем Крисом, а Кая приревновала и испортила ей жизнь. Однажды на выходных, когда Дафна была в отъезде, Кая «случайно», – Бьянка сделала пальцами в воздухе знак кавычек, – пожертвовала всю ее одежду первокурсникам, ежегодно собиравшим вещи на благотворительность. Даф не выдержала травли, покинула общество и съехала.

Мне все больше начинает казаться, что отравление алкоголем было лучшим, что случилось с Дафни Кеттлмен. В итоге она смогла выбраться из этой чертовой дыры.

– Да плевать. Мне все равно, живу я здесь или нет, все будет в порядке, – отвечаю беспечной интонацией, которую совершенствовала годами.

Таков мой способ защиты. Притворяться, что жизнь – это прекрасный дом в викторианском стиле, в надежде, что никто не станет слишком пристально вглядываться в трещины на фасаде. Но независимо от того, насколько убедительно я сыграла при Бьянке, пять минут спустя тревога огромной волной накатывает на меня, стоит только скользнуть в машину. Дыхание замирает, пульс учащается, ясно думать становится трудно.

Что мне делать?

Куда идти?

Делаю глубокий вдох. Все нормально. Все в порядке. Еще

один вдох. Я справлюсь. Всегда ведь справлялась, верно? Я постоянно попадаю в передряги и нахожу способ выйти сухой из воды. Просто нужно собраться с мыслями и подумать.

Вдруг в салоне машины раздается песня Sia «Легкодоступные удовольствия». Звонит телефон. Слава Богу! Без промедления отвечаю.

– Привет, – здороваюсь с братом Дином, испытывая благодарность за возможность отвлечься.

– Привет, Козявка. Решил вот проверить, добралась ли ты до кампуса целой и невредимой.

– А что, не должна?

– Ну мало ли. Может, опасный маньяк вот-вот пустить тебя на костюмчик, а может ты рванула в Майами с каким-нибудь начинающим рэпером, которого автостопом подцепила на трассе... погоди! Ты ж, мать твою, так уже делала!

– О боже мой. Во-первых, Джаспер был *восходящей звездой кантри*, а не рэпером. Во-вторых, я была еще с двумя девушками, мы направлялись в Дейтона-Бич, а не в Майами. В-третьих, он даже не пытался прикоснуться ко мне, не то что убить. – Я вздохнула. – Хотя Лейси с ним переспала и подхватила герпес.

В трубке слышно лишь скептическое молчание.

– Уродец? – я использовала детское ненавистное прозвище Дина. – Ты здесь?

– Пытаюсь понять, с чего это ты взяла, что эта версия заманчивее моей. – Внезапно с его губ слетает ругательство. –

Проклятье, разве я не переспал с Лейси на вечеринке по случаю твоего восемнадцатилетия? – Тишина. – Поездка с разносчиком герпеса должна была случиться *до*. Черт возьми, Саммер! В смысле, я предохранялся, но могла бы и предупредить!

– Нет, ты не переспал с Лейси. Ты путаешь ее с Лейни, через «н». Я перестала с ней дружить после этого.

– Почему?

– Потому что вместо тусовки с именинницей она предпочла переспать с ее братом! Это как-то некрасиво.

– Правда. Эгоистичный поступок.

– Угу.

Внезапно в динамике слышится шум, похожий на порывы ветра, рычание мотора, а затем рев клаксона.

– Извини, – бегло бросает Дин на другом конце провода, – только что вышел из квартиры. Такси подъехало.

– Куда едешь?

– Забрать вещи из химчистки. Салон, услугами которого мы с Элли пользуемся, находится в Трайбеке¹. Качество работы потрясающее, так что поездка того стоит, рекомендую.

Дин и его девушка живут в Вест-Виллидж на Манхэттене. Однажды Элли призналась, что это наиболее шикарный район из всех, где она жила раньше. Однако для брата это

¹ Трайбека (TriBeCa *от* англ. Triangle Below Canal Street – «Треугольник южнее Канал-стрит») – микрорайон Округа 1 (Manhattan Community Board 1), расположенный в Нижнем Манхэттене крупнейшего города США Нью-Йорка. – *Здесь и далее прим. пер.*

фактически деградация, ведь семейный пентхаус расположен в Верхнем Ист-Сайде и занимает три этажа нашего отеля «Хейворд Плаза». Но новое место жительства удобно для них обоих: Дин преподает в расположенной рядом частной школе, а Элли играет главную роль в сериале, который как раз снимается на Манхэттене.

Должно быть, им так приятно иметь свое гнездышко и всякое такое.

– Значит, ты в порядке и уже устроилась в особняке Каппа?

– Не совсем, – честно признаюсь я.

– Ради всего святого, Саммер. Что ты натворила?

От возмущения у меня отвисает челюсть. Почему родные всегда считают, что проблема *во мне*?

– Я ничего не сделала, – натянуто отвечаю, но затем признаю поражение: – Они считают, что я испортила их репутацию. Одна из девушек назвала меня поджигательницей.

– Ну, – Дин даже не пытается быть деликатным, – в чем-то она права.

– Отвянь, Уродец. Это вышло случайно, а поджигатели устраивают пожар намеренно.

– Значит, ты нечаянный поджигатель. «Нечаянный поджигатель» – отличное название для книги.

– Замечательно. Садись и пиши ее. – Плевать, насколько ехидно это прозвучало. Нервы на пределе, хочется съязвить. – В любом случае, меня вышвырнули вон. Теперь нуж-

но придумать, где, ради всего святого, жить весь семестр.

Неожиданно ощущаю в горле комок и едва не всхлипываю, пытаюсь его проглотить.

– Ты в порядке? – тут же спрашивает Дин.

– Не знаю. – Тяжело сглатываю. – Я... Это просто смешно. Не знаю, почему расстроилась. Те девчонки ужасны, мне бы не понравилось жить с ними. В смысле, сейчас канун Нового года, а они все торчат в кампусе! Занимаются благотворительностью вместо того, чтобы устраивать вечеринки! Это совсем не в моем стиле.

Слезы, которые я пыталась остановить, больше не поддаются контролю. Две крупные капли текут по щекам. Хорошо, что Дин этого не видит, доволен того, что он *слышит* мои всхлипы.

– Мне очень жаль, Козявка.

– Да ладно, – резким движением руки я смахиваю слезы, – ерунда. Не стану плакать из-за нескольких засранок и переполненного дома. Не сдамся. Сдалась бы Селена Гомес на моем месте? Безусловно, нет.

В разговоре повисает пауза.

– Селена Гомес?

– Да. – Упрямо выпячиваю подбородок. – Она воплощает благородство и безупречность, и я стараюсь брать с нее пример, если мы говорим о личностном развитии. Когда же дело касается стиля, я всегда буду стремиться походить на Коко Шанель, хотя это заведомо бесполезно, ведь никто больше

не сможет стать ею.

– Естественно. – Он умолкает. – А Селену Гомес какого периода мы обсуждаем? Эпохи Джастина или Уикнда²? Или второго пришествия Бибера?

Хмуро взираю на свой телефон.

– Ты это сейчас серьезно?

– Что?

– Женщину характеризуют не парни, а ее достижения. И туфли.

Мой взгляд падает на новые сапоги, подаренные заботливой Бабулей Селестой. По крайней мере, с обувью у меня нет никаких проблем.

В остальном, правда, получается не очень.

– Думаю, можно попросить папу позвонить тем, кто отвечает за размещение, чтобы подыскали свободное место в каком-нибудь общежитии. – Я снова ощущаю себя неудачницей. – Хотя, если честно, не хочется этого делать. Ему уже пришлось задействовать связи, чтобы устроить меня в Брайар.

Если это возможно, я бы предпочла не жить в общежитии. Необходимость делить ванную с дюжиной других девушек – худший кошмар. Я уже жила так в особняке Каппа в отделении Браун, но наличие собственной спальни помогло примириться с неудобствами. В общежитии такой роскоши

² Уикнд (*The Weeknd*) – канадский певец, автор песен и рекорд-продюсер эфипского происхождения.

не получишь до конца учебного года.

Я издаю тихий стон.

– Что же делать?

У меня есть два старших брата, и они оба ни при каких обстоятельствах не упускают возможности поддразнить или унижить меня, но иногда все же проявляют сострадание.

– Не звони пока папе, – угрюмо выдает Дин. – Сначала попробую сам что-нибудь придумать.

– Не уверена, что ты сможешь как-то помочь. – Я морщу лоб.

– Говорю: не звони. У меня есть идея. – В трубке слышен визг тормозов. – Секунду. Спасибо, бро, – обращается Дин к таксисту. – Поездка на пять баллов, по-любому.

Хлопает дверь машины.

– Саммер, ты же все равно возвращаешься в город сегодня вечером, так?

– Еще не думала об этом, – признаюсь, – но, полагаю, у меня теперь нет выбора. Засяду в отеле в Бостоне, пока не решу жилищный вопрос.

– Я имел в виду Нью-Йорк, а не Бостон. Семестр начнется только через несколько недель. Ты могла бы пожить в пентхаусе до той поры.

– Нет, я уже хотела распаковать вещи, обустроиться, заняться прочими хозяйственными мелочами.

– Ну, это же не срочно. Сегодня канун Нового года. Как вариант, ты можешь вернуться домой и отпраздновать со

мной и Элли. Еще подъедет куча моих давних товарищей по команде.

– Кто, например? – интересуюсь.

– Гаррет приехал в город на игру, так что он будет. И нынешняя команда из Брайара. Некоторых ты знаешь: Майк Холлис, Хантер Дэвенпорт. Вообще-то, Хантер ходил в частную школу в Розлоне, думаю, он учился классом младше тебя. Пьер и Корсен, но ты с ними вряд ли знакома. Фитци...

Мое сердце замирает.

– Я помню Фитци, – произношу как можно более равнодушным тоном, но получается наоборот: даже сама слышу волнение в голосе.

Хотя, кто меня осудит? Фитци, полное имя которого Колин Фитцджеральд, это просто СКАЗКА. Высокий, сексуальный, покрытый татуировками и играющий в хоккей парень-сказка, в которого я чуточку, совсем немножко влюбилась.

Ну ладно.

Влюбилась по самые уши.

Он такой... невероятный. Но вместе с тем неприступный. Друзья, с которыми Дин играет в хоккей, обычно тут же проявляют интерес при встрече, а Фитц – нет. Я познакомилась с ним в прошлом году, когда навещала Дина в Брайаре, и этот парень едва взглянул в мою сторону. Когда снова встретились на дне рождения Логана, друга Дина, мы обменялись максимум десятком слов. И я совершенно уверена, что по-

ловина им сказанного была: «привет», «как дела», «пока».

Он меня бесит. Не то чтобы все мужчины в округе должны падать к моим ногам, но его-то ко мне влечет, я *знаю*! Заметила, как его карие глаза полыхают, когда он на меня смотрит. Чертовски *полыхают*.

Если только не выдаю желаемое за действительное.

У моего отца есть суперпафосная поговорка: «*Восприятие и реальность – это два противоположных берега. Ищите истину посередине*». Он использовал эту фразу в суде в заключительной речи по делу об убийстве и теперь вставляет ее при каждом удобном случае.

Если расположить на одном берегу неприкрытую холодность Колина Фитцджеральда (он ненавидит меня), а на другом – огонь в его глазах (он страстно меня хочет), и искать истину посередине, то... в качестве компромисса можно предложить статус друга?

Поджимаю губы.

Нет. Категорическое нет. Я отказываюсь переходить во френд-зону раньше, чем предприму хоть какие-то действия.

– Будет весело, – говорит Дин. – Кроме того, мы уже тысячу лет не встречали Новый год вместе, так что тащи задницу в Нью-Йорк. Скинь СМС, как приедешь. Я уже в химчистке. Мне пора. Люблю тебя.

Он отключается, а я расплываюсь в такой широкой улыбке, словно и не плакала пять минут назад. Может, Дин и ведет себя как засранец большую часть времени, но он хоро-

ший старший брат. Всегда готов подставить плечо, когда мне нужно, и это самое главное.

И – слава богу! – меня ждет вечеринка. Нет ничего лучше вечеринки после дерьмового дня. Она мне необходима как воздух.

Смотрю на время. Час дня.

Быстро считаю в уме. Кампус Брайара находится в часе езды от Бостона. Оттуда три с половиной или четыре часа езды до Манхэттена. Это значит, что доберусь только вечером, и останется мало времени на подготовку. Если уж предстоит встреча со сказочным парнем, нужно выглядеть соблазнительно с головы до ног.

Этот мальчик даже не представляет, что его ожидает.

2

Фитц

– Потанцуешь со мной?

Я хочу отказаться.

И в то же время согласиться.

Я называю это «дилеммой Саммер»: зеленоглазая, золотоволосая богиня вызывает во мне разрывающие на части, диаметрально противоположные желания.

Охренительное «да» и адское «нет».

Сорвать одежду с нас обоих. Бежать от этой чертовки дальше, чем глаза глядят.

– Спасибо, но танцы – это не мое. – Я не лукавлю. Ненавижу танцевать.

К тому же, когда дело касается Саммер Ди Лаурентис, инстинкт самосохранения во мне побеждает все остальное.

– Ты такой скучный, Фитци. – Она щелкает языком, отчего мой взгляд невольно падает на ее губы. Пухлые, розовые и блестящие. Над левым уголком рта притаилась крошечная родинка. Это очень сексуально.

Проклятье, да все в Саммер сексуально. Она даст фору любой девушке в баре, и все парни вокруг завистливо или сердито пялятся на меня за то, что мы вместе.

То есть не в том смысле *вместе*. Мы не пара. Я просто

стою рядом с ней, и между нами два фута³ свободного места. Которые Саммер пытается сократить, наклоняясь ко мне все ближе.

Это оправдано тем, что ей приходится практически кричать мне в ухо, чтобы перебить грохочущую в комнате электронную танцевальную музыку. Ненавижу электромузыку и не люблю такие бары с танцполом и оглушительным звуком. Зачем вводить людей в заблуждение? Просто назови свое заведение ночным клубом, если в нем так все устроено. Владелец паба «У Ганнера» следует сменить вывеску на «Ночной клуб Ганнера». Тогда бы я развернулся на месте, как только прочел надпись, и поберег измученные барабанные перепонки.

Уже не в первый раз за вечер проклиная друзей, что притащили меня в Бруклин встречать Новый год. Лучше бы остался дома, выпил пару бутылочек пива и посмотрел по телику, как опускают новогодний шар⁴. Скромный праздник мне больше по вкусу.

– Знаешь, меня предупреждали, что ты брюзга, но я не верила до этого момента.

– *Кто* предупреждал? – спрашиваю с подозрением. – И... эй, стоп. Я не брюзга.

³ Около 60 см.

⁴ Новогодний шар на Таймс-сквер – шар времени, расположенный на здании 1 на Таймс-сквер в Нью-Йорке. Каждый год 31 декабря в 23:59 по местному времени шар спускается с 23-метровой высоты по особому флагштоку. Нижней точкой шар достигает в полночь, что символизирует наступление нового года.

– Хм-м-м, ты прав. Это уже не актуально. Назовем тебя Весельчак.

– Давай не будем.

– Полиция нравов? Так лучше? – Саммер невинно хлопает ресницами. – Seriously, Фитц, почему ты ненавидишь веселиться?

– Я не ненавижу веселиться. – Ее поведение невольно вызывает у меня улыбку.

– Хорошо. Значит, ты ненавидишь *меня*? – с вызовом бросает она. – Ведь каждый раз, когда я пытаюсь с тобой поговорить, ты убегаешь.

Моя улыбка тускнеет. Ничего удивительного, что Саммер при всех стала выяснять отношения. Прежде мы виделись целых два раза, но и этого хватило, чтобы понять, как она обожает устраивать сцены.

Я терпеть не могу, когда их устраивают.

– И тебя я тоже не ненавижу. – Пожав плечами, отхожу от барной стойки. Я собираюсь сделать то, в чем меня только что обвинили: ретироваться бегством.

Во взгляде девушки плещется разочарование. Ее глаза большие и зеленые, такого же оттенка, как и у старшего брата. Дин – вот та причина, по которой я заставляю себя оставаться. Он мой хороший друг. Не стоит обижать его сестру. Во-первых, из-за уважения к нему. Во-вторых, из-за беспокойства за свое здоровье: я – хоккеист, а Дин увлекается боксом, и у него жесткий хук справа.

– Серьезно, – грубо бросаю я. – Ничего против тебя не имею. Между нами все хорошо.

– Что? Я не расслышала, что ты сказал, – перекрикивает Саммер музыку.

Склоняясь к ее уху, с удивлением отмечаю, что почти не приходится сгибаться. Она выше большинства девчонок, ее рост где-то 175 или 177 сантиметров, а поскольку я 187 и привык ощущать себя гораздо выше женщин, то это выглядит необычно.

– Сказал, что у нас все хорошо, – повторяю я, но, неверно оценив расстояние между ухом Саммер и своим ртом, утыкаюсь в нее губами. По телу девушки пробегает осязаемая дрожь.

По моей спине пробегают мурашки, потому что наши губы совсем рядом. Она чертовски вкусно пахнет, каким-то завораживающим сочетанием ароматов: жасмина, ванили и... сандала, что ли? От такого аромата можно кончить. И это не говоря уже о платье. Белое, без бретелек, настолько короткое, что едва прикрывает бедра.

Святые, мать их, угодники!

Быстро выпрямляюсь, чтобы не натворить глупостей и не поцеловать ее. Вместо этого делаю большой глоток пива. Оно попадает не в то горло, и я раздражаюсь кашлем, как какой-нибудь чахоточный из восемнадцатого века.

Красиво вышел из положения.

– Ты в порядке?

Когда кашель прекращается, я замечаю лукавый взгляд зеленых глаз. Губы Саммер изогнуты в дьявольской ухмылке. Она прекрасно знает, что возбуждает меня.

— В порядке, — хриплю я; в этот момент трое размалеванных парней подходят к бару и врезаются в Саммер. Она спотыкается, и уже в следующую секунду я держу великолепную, сладко пахнущую женщину в своих объятиях.

Она смеется и хватает меня за руку.

— Ну же, давай выбираться из этой толпы, пока нам синяков не наставили.

Я зачем-то позволяю себя увести.

Мы располагаемся за высоким столиком у перил, отделяющих основное пространство бара от маленького дерьмового танцпола. Быстро оглядевшись, обнаруживаю, что большинство моих друзей пьяны в стельку.

Майк Холлис, мой сосед по комнате, трется о симпатичную брюнетку, которая вроде бы нисколько не возражает. Это он настоял, чтобы мы поехали в Бруклин, а не остались в Бостоне. Он хотел отметить Новый год со старшим братом, Броуди, который исчез, как только мы появились. Похоже, Холлис решил утешиться с девушкой, потому что брат его кинул.

Другой наш сосед, Хантер, танцует с тремя девушками одновременно. Они все чуть ли не облизывают его лицо, а одна без стеснения запустила руку ему в штаны. Хантер, естественно, в восторге.

Как все поменялось за год. Прошлой зимой он избегал женского внимания, говорил, что оно заставляет его чувствовать себя подлецом по отношению к фанаткам. Теперь, похоже, научился в полной мере использовать преимущества, которые дает игра в хоккейной команде университета Брайар. И, поверьте, этих преимуществ не счесть.

Будем откровенны: в большинстве университетских городков девчонки предпочитают трахаться со спортсменами. У футболистов выстраивается целая очередь из болельщиц группы поддержки, мечтающих переспать с квотербеком. У баскетболистов число поклонниц вырастает в два или три раза вовремя «Мартовского безумия»⁵. Что уж говорить о хоккейной команде Брайара, на счету у которой дюжина чемпионатов «Фрозен Фор», а количество трансляций игры по центральному телевидению больше, чем у любого другого университета в стране? Хоккеисты – боги.

За исключением меня, конечно. Да, я играю в хоккей. И у меня это определенно хорошо получается. Но «бог», «жеребец», «суперзвезда» – это не про меня. Я ботаник до мозга костей. Ботаник, который притворяется богом.

– Хантер в ударе. – Саммер окидывает взглядом свиту моего друга.

Диджей переключился с электронной музыки на список «Топ-40 хитов». К счастью, он и громкость уменьшил, веро-

⁵ «Мартовское безумие» – чемпионат между студенческими баскетбольными командами США; проходит в марте.

ятно, в преддверии отсчета времени до наступающего нового года. Еще тридцать минут, и я смогу сбежать.

– Точно, – соглашаюсь я.

– Я под впечатлением.

– Да?

– Определенно. Парни из Гринвича обычно недотроги, хоть и пытаются это скрывать.

Интересно, откуда она знает, что Хантер из Коннектикута? Не заметил, чтобы они много общались сегодня. Может, Дин сказал? Или может...

Или, может, мне насрать, откуда Саммер знает. Если для меня это *важно*, значит, странное покалывающее ощущение в груди не что иное как ревность. А это, прямо скажем, неуместно.

Саммер еще раз оглядывает толпу и бледнеет.

– О Боже. Старший. – Она складывает ладони рупором и кричит: – Держи язык при себе, Уродец!

Невольно смеюсь. У Дина нет шансов ее услышать, но, видимо, у него есть какое-то шестое чувство, потому что он вдруг прекращает целовать свою девушку. Парень поворачивается к нам и, заметив Саммер, показывает средний палец.

В ответ она посылает воздушный поцелуй.

– Какое счастье, что я единственный ребенок в семье, – замечаю я.

– Нет, ты много потерял, – ухмыляется Саммер. – Изводить братьев – одно из моих любимых развлечений.

– Я заметил.

Она называет брата Уродцем. Воспитанные люди детские прозвища в этом возрасте уже не используют. Однако Дин зовет ее Козявкой, возможно, она права, что не остается в долгу.

– Сегодня Уродец заслуживает, чтобы его хорошенько помучили. Не могу поверить, что мы тусуемся *здесь*, – ворчит Саммер. – Когда он сказал, что будем отмечать Новый год в городе, я подумала о Манхэттене. Но вместо этого они с Элли потащили меня в ужасный Бруклин. Чувствую себя обманутой.

– А что не так с Бруклином? – фыркаю я. – Где-то здесь живет отец Элли, разве нет?

Саммер кивает.

– Завтра они планируют провести день вместе. А что касается ответа на твой вопрос... Раньше здесь было круто, пока все не заполонили хипстеры.

– Хипстеры еще существуют? Я думал, эта чушь уже в прошлом.

– Боже, нет. И не верь, если кто-то утверждает обратное, – она в шутку дергается, будто от отвращения. – Все вокруг еще кишит *ими*.

Последнее слово Саммер произносит таким тоном, словно речь идет о переносчиках жуткой неизлечимой болезни. Хотя, в чем-то она права: если присмотреться к толпе, можно заметить винтажные наряды, до невозможности зауженные

джинсы, сочетание старомодных аксессуаров с современными гаджетами и наличие растительности на лице у каждого второго мужчины.

Потираю собственную бороду, гадая, превращает ли эта деталь меня в хипстера. Всю зиму я отпускал растительность на лице в основном потому, что так теплее в суровую непогоду. На прошлой неделе на нас обрушился холодный циклон невиданной силы. Я чуть яйца себе не отморозил.

– Они такие... – Саммер медлит, подбирая нужное слово, – ...придурки.

– Не все, – смеюсь я.

– Большинство, – сообщает она. – Вон видишь ту девушку? С косичками и челкой? На ней кардиган от Prada стоимостью в тысячу долларов... и с ним она нацепила пятидолларовую майку, которую ей, видимо, выдали в Армии спасения⁶, и странные туфли с кисточками из Китайского квартала. Кошмар!

– С чего ты взяла, что кардиган такой дорогой? – хмурюсь я.

– Потому что у меня есть такой же, только серый. Кроме того, уж Prada я ни с чем не спутаю.

В этом я не сомневаюсь. Ее, наверное, с рождения наряжали в дизайнерские ползунки. Саммер и Дин родом из очень богатой семьи. Их родители – успешные адвокаты, каждый

⁶ Религиозная филантропическая организация, которая проводит богослужения с музыкой и пением псалмов, оказывает помощь беднякам.

из которых уже владел состоянием до брака. Теперь они мегабогатая суперпара и могут купить небольшую страну без особого ущерба для семейного бюджета. Я гостил в их пентхаусе на Манхэттене пару раз и остался чертовски впечатлен. У них есть особняк в Гринвиче, пляжный домик и еще куча недвижимости по всему миру.

Что до меня, то я едва тяну арендную плату за таунхаус, который делю еще с двумя парнями. Мы до сих пор в поисках четвертого соседа по комнате, и, как только он найдется, моя доля станет меньше.

Не стану лукавить: тот факт, что Саммер живет в пентхаусах и носит шмотки стоимостью в тысячи долларов, слегка удручает.

– Все равно хипстеры – это отстой, Фитци. Нет уж, спасибо. Я лучше... о-о-о! *Обожжаю* эту песню! Я получила пропуск за кулисы на ее шоу в Гарден в прошлом июне, и это было *сногшибательно*.

Да у нее запущенный СДВГ⁷, дружище.

Прячу улыбку, а Саммер полностью забывает, как только что призывала чуму на головы всех хипстеров мира. Она начинает кивать головой в такт песни Бейонсе, а высокий конский хвост активно покачивается под ритм трека.

– Ты уверен, что не хочешь потанцевать? – с мольбой в

⁷ Синдром дефицита внимания и гиперактивности, аббр. СДВГ, – неврологическо-поведенческое расстройство развития, начинающееся в детском возрасте. Проявляется такими симптомами, как трудности концентрации внимания, гиперактивность и плохо управляемая импульсивность.

голосе спрашивает она.

– Совершенно.

– Ты чудовищен. Сейчас вернусь.

Через мгновение девушки уже нет рядом, а спустя секунду я обнаруживаю ее на танцполе: руки вытянуты вверх к софитам, волосы, собранные в хвост, растрепались, бедра двигаются под музыку.

За ней наблюдают и другие. Море жадных глаз следит за фигурой в белом платье. Саммер не замечает этого или не хочет замечать. Девушка танцует, ни капли не стесняясь, принимая себя такой, какая есть.

– Господи, – подойдя к столику, хрипит Хантер Дэвенпорт. Как и у большинства мужчин вокруг, в его взгляде, обращенном на Саммер, читается настоящий голод – другого определения тут не подберешь.

– Похоже, она не забыла, как танцуют чирлидерши. – Хантер с одобрением косится в сторону Саммер. Заметив недоумение на моем лице, добавляет: – Она была чирлидершей в средней школе, да и в танцевальной группе состояла.

Когда он успел вытянуть из нее столько подробностей?

Неприятное покалывающее ощущение возвращается, поднимаясь вверх по позвоночнику.

Однако это не ревность.

– Чирлидинг и танцы, да? – небрежно спрашиваю. – Это она тебе так сказала?

– Мы ходили в одну школу, – признается он.

– Да ладно.

– Ага. Я учился классом младше, но, поверь, там каждый парень, если он не гей или импотент, наизусть знал танцевальную программу Саммер Ди Лаурентис.

Кто бы сомневался.

– Пойду отолю, а потом возьму еще выпить. – Хантер хлопает меня по плечу. – Тебе принести чего-нибудь?

– Нет, мне пока хватит.

Не знаю почему, но я рад, что Хантера нет рядом, когда Саммер возвращается за столик с раскрасневшимися от танцев щеками.

Несмотря на мороз за окном, она решила не надевать чулки или колготки. У нее стройные великолепные ноги, как сказал бы мой старик, от ушей. Они могли бы так сексуально обхватить меня. Белое платье чудесно оттеняет густой золотистый загар. Почти невозможно оторвать глаз от Саммер, она выглядит такой сияющей и ухоженной.

– Так ты... – Я прочищаю горло. – Будешь учиться в Брайаре в этом семестре?

Спрашиваю, только бы отвлечься от ее сводящего с ума тела.

– Ага, – восторженно кивает Саммер.

– Наверное, будешь скучать по Провиденсу? – Мне известно, что первый и второй курс, а также один семестр третьего она проучилась в отделении Браун. А ведь это составляет половину всего времени обучения в университете. На

ее месте я бы возненавидел необходимость начинать все с чистого листа.

Но Саммер мотает головой.

– Да не особо. Я не в восторге ни от города, ни от местного учебного заведения. Ходила туда лишь потому, что родители мечтали видеть меня в Лиге Плюща, а в их альма-матер, Гарвард и Йель, мне не удалось поступить. – Она пожимает плечами. – А ты хотел попасть именно в Брайар?

– Определенно. Я был наслышан о курсе изобразительного искусства. И, само собой, хоккейная команда тут крутая. Мне предложили полную стипендию, если стану за них играть. Так могу учиться тому, что мне действительно интересно, так что... – Пожимаю плечами.

– Это очень важно. Заниматься любимым делом, я имею в виду. У большинства людей нет такой возможности.

Во мне вдруг вспыхивает любопытство:

– А чем ты любишь заниматься?

– Скажу, когда сама пойму, – самокритично ухмыляется в ответ Саммер.

– Да брось. Должно же быть что-то, чем ты увлекаешься.

– Ну, *раньше* я увлекалась всяким разным: дизайном интерьера, психологией, балетом, плаванием. Проблема в том, что мне все быстро надоедает, интерес угасает. Наверное, я еще не нашла долгосрочное увлечение.

Откровенность Саммер немного удивляет. Сейчас она кажется более прагматичной, чем раньше.

– Я хочу пить, – объявляет она.

Подавляю желание закатить глаза, потому что обычно это означает «*пойди и купи мне выпить*». Однако выходит не так. С озорной улыбкой Саммер выхватывает из моей руки бутылку пива. На короткий миг наши пальцы соприкасаются, и я делаю вид, что не заметил электрического разряда, пробежавшего вверх по руке. Наблюдаю, как Саммер обхватывает ладонью бутылку «Бад Лайт» и делает большой глоток.

У нее маленькие руки, тонкие пальцы. Нужно быть искусным художником, чтобы передать это интригующее сочетание хрупкости и уверенности движений на рисунке. Ногти короткие, округлые и покрытые французским маникюром – или как он там называется, – что кажется простоватым для такой, как Саммер. Я ожидал увидеть очень длинные когти, выкрашенные в розовый или пастельный цвета.

– Опять принялся за свое. – В ее тоне улавливается раздражение.

– За что я принялся?

– Отгораживаешься от меня. Побрызгиваешь.

– Такого слова не существует.

– Кто тебе сказал? – Саммер делает еще глоток пива.

Взгляд мгновенно приковывается к ее губам.

Проклятье, я должен это прекратить. Она не в моем вкусе. При первой встрече у нее на лбу было написано: «*девушка из женского студенческого общества*». Дизайнерские шмотки, море блондинистых локонов, идеальное лицо.

Я тоже не могу быть в ее вкусе. Понятия не имею, почему она встречает Новый год, общаясь с таким неряшливым, татуированным бандитом.

– Извини. Не умею много болтать. Не принимай это на свой счет, ладно? – Возвращаю свою бутылку обратно.

– Хорошо, не буду. Но если не хочешь разговаривать, развлекай меня другим способом. – Саммер подбоченивается. – Предлагаю поцеловаться.

3

Фитц

Во второй раз за вечер давлюсь пивом на середине глотка.

О Иисус сладчайший. Она это всерьез? Приглядываюсь к Саммер, которая изогнула изящную бровь и ждет ответа. Мда. Всерьез.

– Э-э... ты хочешь... э-э... – Снова кашляю.

– Да расслабься, – смеется Саммер, – я пошутила!

– Пошутила, – повторяю и прищуриваюсь. – То есть тебе ни капельки не хочется со мной поцеловаться?

Черт, зачем я ее подначиваю? Мой член приподнимается под ширинкой, предупреждая, как опасно думать о поцелуе с Саммер.

– Считаю, что небеса на землю не рухнут, если наши губы соприкоснутся, – подмигивает она. – И всегда приятно, когда есть кого поцеловать в новогоднюю ночь. Хотя по большей части это была шутка. Мне просто нравится заставлять тебя краснеть.

– Я не краснею, – возражаю. Парни не признаются в подобном на каждом углу.

– Краснеешь! – восклицает Саммер. – Прямо сейчас.

– Что, правда? Тебе это видно под бородой? – Демонстративно потираю лицо.

– Ага. – Она протягивает руку и гладит меня по щеке над густой порослью. – Вот. Здесь.

Я сглатываю, член снова напрягается.

Ненавижу то, как Саммер меня привлекает.

– Фитци, – шепчет она мне в ухо, и пульс учащается, – думаю, мы...

– С Новым годом, мать вашу!

Холлис меня просто спас.

Друг бросается к нам и небрежно чмокает Саммер в щеку. Они только сегодня познакомились, но девушка не кажется оскорбленной такой фамильярностью, лишь слегка удивленной.

– Ты спешишь на двадцать минут со своими восторгами, – сообщает она.

– А ты ничего не пьешь! – свирепо смотрит в ответ Холлис. – Почему у нее нет выпивки? Кто-нибудь, принесите этой красивой женщине выпить!

– Не люблю напиваться, – возражает Саммер.

– Чушь собачья, – ржет Дин, подгребая к нам со своей девушкой Элли Хейз. – Ты была в дрова пьяная, когда сожгла особняк женского общества.

– Ты сожгла особняк женского общества? – раздается знакомый голос.

Дин разворачивается вокруг себя.

– Джи! – каркает он. – Явился в последний момент!

– Ага, чуть не опоздали, – произносит Гарретт Грэм, де-

лая большой шаг к столу. – На мосту столкнулись десять машин. Проторчали там почти час, прежде чем движение возобновилось.

– Хан-Хан! – радуется Элли, обнимая свою лучшую подругу и девушку Гарретта по имени Ханна Уэллс. – Я так рада тебя видеть!

– Я тоже! С наступающим Новым годом!

– С наступающим новым Гарреттом, – поправляет Ханну ее парень.

– Чувак, – парирует она, – прекращай. Я не буду говорить такое.

– С наступающим новым Гарреттом? – фыркает Саммер.

Дин закатывает глаза, наблюдая за нашим бывшим капитаном команды.

– Пафосный засранец. – Он переводит взгляд на Саммер. – У Гарретта день рождения выпадает на первый день года.

– Первый день Гарретта, – машинально произносит Гарретт, прежде чем поздороваться со мной, Холлисом и остальными парнями из команды, которые выбрались в Бруклин. Саммер он приобнимает и чмокает в щеку. – Рад видеть тебя, Саммерита. Ты подожгла студенческий особняк?

– О Боже. Нет. Я ничего не поджигала! – Она бросает гневный взгляд на брата.

– Братан, на тебя все пялятся, – неожиданно вмешивается

Холлис, ухмыляясь Гарретту.

И правда: несколько голов повернулись в нашу сторону. Большинство уже слишком надрались, чтобы обращать внимание на окружающих, но некоторые все же узнали Гарретта. Он засветился в самом насыщенном первом сезоне за всю историю «Брюинз»⁸, ничего удивительного, что его узнают даже за пределами Бостона.

– Похоже, меня скоро помидорами закидают, – хмурится Гарретт. – Вчера вечером мы проиграли «Айлендерс»⁹ со счетом четыре-пять.

– Да, но *ты* забил подряд три шайбы, – возражает Ханна. – Только тупой идиот решит закидать помидорами такого игрока.

– А идиот может быть еще и не тупым? – усмехается Дин.

– О, заткнись, Ди Лаурентис. Ты понял, что я имела в виду.

– И каково это: быть знаменитым? – поддразнивает Элли, когда еще несколько человек начинают глазеть и показывать пальцем на Гарретта.

– Поделись опытом первой, – отшучивается Джи в ответ.

– Ха. Мне *до тебя* далеко, – говорит та, кто снимается в сериалах на НВО¹⁰. Последний, например, создают по мотивам

⁸ Профессиональный хоккейный клуб, выступающий в Национальной хоккейной лиге.

⁹ То же.

¹⁰ Североамериканская кабельная и спутниковая телевизионная сеть.

вам моей любимой книги. Я рад, что Элли стала востребованной актрисой, но втайне считаю, что книга лучше экранизации.

Книги всегда лучше.

– Прекращай скромничать! – Саммер приобнимает рукой Элли, которая почти на голову ниже. – Ребята, она только за сегодняшний вечер дала уже четыре автографа. Она – звезда.

– Пока вышла только половина сезона, – протестует Элли. – Нас могут даже не продлить на следующий.

– Конечно, продлят, – говорит Дин тоном, не терпящим возражений.

Саммер отпускает Элли, приближается и кладет руку на мое плечо. Вполне безобидный жест, но я замечаю, что Гарретт и Хантер обращают на это внимание. Дин, к счастью, ничего не видит: Элли уводит его прочь, надеясь успеть еще потанцевать до полуночи.

Рядом Холлис изучает взглядом помещение с удивительной для пьяного энергичностью.

– Я должен решить, с кем в эту полночь буду целоваться по-французски, – объявляет он.

– Шикарно, – вставляет Саммер.

– Если будешь паинькой, выберу тебя. – Холлис смотрит на нее плотоядным взглядом.

Она лишь откидывает голову и смеется.

К счастью, у Холлиса железобетонное самомнение. Он по-

жимает плечами и отходит от столика, что побуждает и других парней разойтись. Пьер, наш франко-канадский приятель, и Мэтт Андерсон, младший защитник, направляются к бару. Остаются лишь Гарретт и Ханна. И Хантер, у которого в одной руке пиво, а в другой – телефон. Он снимает толпу на видео для Snapchat.

– А что насчет тебя? – обращается Саммер к Хантеру. – Сегодня ты успел потанцевать с семью разными девушками. Кого из них ты поцелуешь?

– Никого. – Он с серьезной миной опускает телефон. – Я не целуюсь в новогоднюю ночь. Цыпочки всегда ищут в этом скрытый смысл, даже если его там нет.

Саммер так сильно закатывает глаза, что кажется, они уже никогда не примут нормальное положение.

– Естественно, ведь все женщины начинают планировать свадьбу после *первого же* поцелуя. – Она бросает взгляд на смеющуюся Ханну. – Пойдем попудрим носик? Хочу поправить макияж до полуночи. Мои губы должны быть *идеально* накрашены, когда я поцелую будущего мужа под бой курантов.

Она снова гримасничает перед Хантером.

– Лучше поспеши, Блондиночка, – невозмутимо подмигивает тот и кивает в сторону огромных цифровых часов, размещенных над пультом диджея. – Осталось шестнадцать минут.

– Сейчас вернусь. – Ханна целует Гарретта и направляется

следом за Саммер.

– Мне нужно подзаправиться, – обращаюсь я к нему и указываю на его пустые руки. – Да и тебе тоже.

Он кивает, мы оставляем Хантера за столиком и прокладываем путь к бару. Выбираем местечко подальше и потише, оно оказывается возле арочного проема, ведущего к туалетам. Я заказываю два пива, расплачиваюсь наличными. Когда поворачиваюсь, Гарретт смотрит на меня в упор.

– Что? – смущаюсь я.

– Что происходит между тобой и Саммер?

– Ничего.

Черт. Не слишком ли быстро я ответил?

– Врешь. Ты слишком быстро ответил.

Проклятье.

– Когда она до тебя дотронулась, – вкрадчиво говорит парень, – ты совсем не возражал.

Гарретт прав. Я *не* возражал. При нашей последней встрече я сознательно держался подальше от Саммер, а сегодня позволил трогать себя, даже пил с ней из одной бутылки. Честно говоря, если бы любил клубы, то и на танцпол позволил бы себя вытащить.

– Она... ну, влюбилась в меня, – неторопливо сообщаю.

– Ни хрена себе, чувак, – фыркает Гарретт. – Эта цыпочка желает оседлать твой член.

– Знаю. – Чувство вины комом застревает в горле. Надеюсь, я не дал повода для ложных надежд сегодня. – Не вол-

нуйся. Дальше дело не пойдет.

– А с чего мне-то волноваться? – изумляется Гаррет, его брови сходятся к переносице. – Стоп. Ты меня неправильно понял. Я не призываю отшивать ее. Совсем *наоборот*.

– Правда? – Я поджимаю губы.

– Конечно. Смотри, во-первых, ты еще девственник...

Давлюсь смехом. Гнусная ложь. Я уже много раз спал с девчонками, просто предпочитаю не распространяться об этом.

– Во-вторых, Саммер – милашка. Она забавная, общительная. – Парень пожимает плечами. – Возможно, она именно та, кто тебе нужен. Хотя сперва лучше поговорить с Дином. Он все еще видит в ней ребенка и постоянно оберегает.

Поговорить с Дином? В смысле, попросить разрешения отжарить его младшую сестренку? Гарретт, на хрен, спятил...

Я в полном ступоре.

– Ты явно подразумеваешь не секс на одну ночь, – замечаю я.

– Ну естественно. Она – сестра Дина, иначе он тебя убьет.

– Я не стану с ней встречаться, Джи.

– Почему нет? – Он тянется за пивом и передает одно мне.

Откручиваю крышку и делаю большой глоток, прежде чем ответить.

– Потому что она не в моем вкусе. У нас нет ничего об-

щего.

– Для начала, она любит хоккей, – подмечает собеседник.

– На том и закончим, – откликаюсь сухо. – Я разукрашен татуировками. Разрабатываю и рецензирую видеоигры, увлекаюсь искусством, запоем смотрю криминальные сериалы на Netflix. А она... Я даже не знаю. – Приходится напрячь мозги. – По словам Дина, она одержима обувью. И, по его же заверениям, шопоголик.

– Хорошо. Значит, она увлекается модой. Некоторые считают, что это тоже искусство.

– Ты умеешь убедить, – фыркаю я.

– А ты слишком строго судишь. Она кажется неплохой девчонкой, Фитц.

– Чувак, ее выгнали из Брауна за то, что переусердствовала с развлечениями. Она – тусовщица. И состоит в сестринстве.

Меня понесло, потому что мой член все был еще слегка напряжен. Я отчаянно цепляюсь за любую причину, только бы не переспать с Саммер.

– Она... пустышка, – подвожу я итог.

– Пустышка.

– Да, пустышка, – беспомощно пожимаю плечами. – Ну, знаешь, ни к чему не относится серьезно. Поверхностная.

Гарретт медлит, вглядываясь в мое лицо. Он смотрит так долго и тщательно, словно изучает под микроскопом, что я начинаю теревить рукав толстовки. Ненавижу, когда меня

сверлят глазами. Это психологическая травма из детства, потребность сливаться с фоном, быть незаметным. Я уже готов потребовать от Гарретта прекратить, когда он вдруг начинает смеяться.

– А, понял. Я зря потратил время, пытаюсь ее втюхать. Ты сам все сделал. – Его серые глаза радостно заблестели. – Ты неровно дышишь к сестре Дина.

– Не-е-е, – весьма неуверенно пытаюсь отрицать я.

– Скажешь, нет? А выглядит так, будто пытаешься убедить себя, что Саммер тебе не ровня. – Он ухмыляется. – И как, получается?

– Типа того, – признаю поражение. – Пока что удастся ее не лапать.

Гарретт надо мной смеется.

– Послушай, Колин... Я могу называть тебя по имени? – Его челюсть отвисла. – Проклятье, только что понял, что никогда не называл тебя Колином.

Гарретт в буквальном смысле застывает на месте, пока я не начинаю рычать от нетерпения.

– Извини, – говорит он. – Мне прямо крышу снесло. Прогнали. Фитци. Теоретически у нас с Уэллси тоже ведь нет ничего общего, правда? Но мы вместе.

Он прав. Когда я впервые увидел этих двоих, не мог ничего понять. Ханна специализировалась на эстрадной музыке. Гарретт был одаренным спортсменом. Во многом они выглядят противоположностями друг друга и все же составляют

отличную пару.

Но я и Саммер... У нас же вообще никаких точек соприкосновения. Из того, что видел сам и слышал от Дина, она вечно примеряет на себя чужие роли, переигрывает, любит находиться в центре внимания. Я такого сторонюсь. Хватает и того, что наши игры транслируют каждый пятничный вечер по местным телеканалам Новой Англии¹¹. А основные матчи попадают на американский кабельный спортивный канал. Меня передергивает от мысли, что незнакомые люди наблюдают на больших экранах, как я катаюсь, забиваю голы и ввязываюсь в потасовки во время игры.

– Я лишь хочу сказать: старайся относиться к ней непредвзято. Не сопротивляйся влечению. – Гарретт хлопает меня по плечу. – Будь что будет.

Будто что будет.

И, черт возьми, все ведь действительно может случиться. Достаточно улыбнуться Саммер, и она окажется в моих объятиях, не зря же расточала флюиды желания направо и налево. Но...

Думаю, все сводится к тому, что она мне не ровня.

Я играю в хоккей. Достаточно умен. Симпатичен, если судить по успехам на любовном фронте. Но по факту, всего лишь ботаник, который предпочитал отсиживаться в комнате, играя в видеоигры, и делать вид, что не слышит, как ро-

¹¹ Регион на северо-востоке США, включающий в себя следующие штаты: Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Род-Айленд, Вермонт.

дители сцепились, будто кошка с собакой.

Во время учебы в средней школе в жизни наступил непродолжительный период, когда я пытался вылезти из панциря. Начал тусоваться с компанией нигилистов, которые обожают бунтовать по любому поводу. Все резко закончилось, когда они подрались с ребятами из соседней школы, и половину арестовали по обвинению в разбойном нападении. После этого я быстро вернулся к статусу одиночки, чтобы сохранить место в хоккейной команде и не давать родителям лишнего повода для ссор. На протяжении двух часов мне пришлось слушать, как они разбираются между собой, кто именно виноват в том, что я связался с плохой компанией. Остаться одиночкой было проще. В университете я начал стараться больше контактировать с людьми, но в глубине души все еще остаюсь человеком-невидимкой.

Стоит ли говорить, что такие девушки как Саммер никогда не вешались на меня. К тому же я не тусовался с товарищами по команде после игры, так что даже хоккейные фанатки на меня не распылялись.

* * *

Саммер – самая яркая личность из всех, кого я когда-либо встречал.

Но Гарретт прав. Я веду себя, как придиричивый сукин сын. Иногда Саммер может показаться немного избалован-

ной или поверхностной, но она заслуживает шанса. Как и все мы.

Ханна уже на месте, когда мы с Гарреттом возвращаемся за столик.

– Чуть не опоздали! – ругается она, указывая на большие часы. До полуночи две минуты.

Хмурюсь, потому что Саммер нет рядом с подругой. Проклятье. Где же она?

Я решил последовать совету Джи и не сопротивляться. Я собираюсь поддаться желанию: зацеловать ее до потери пульса, когда часы пробьют полночь, а затем посмотреть, что из этого выйдет.

– Осталась одна минута, мальчики и девочки! – гремит голос диджея.

Шарю по помещению взглядом. Саммер как сквозь землю провалилась.

Порываюсь спросить о ней Ханну, но та обнимается с Гарреттом.

– Тридцать секунд! – кричит диджей.

Окружающие разбиваются на пары или собираются в небольшие компании. Элли и Дин уже целуются. Холлис вернулся к брюнетке, с которой ранее танцевал.

Саммер до сих пор нет.

– ДЕСЯТЬ! – кричат все.

Под общий хор голосов красными цифрами часы ведут обратный отсчет.

– ДЕВЯТЬ!

С каждой секундой досада все больше охватывает меня.

– ВОСЕМЬ! СЕМЬ!

А затем я ее замечаю. По крайней мере, мне кажется, что это она. Лучи стробоскопов зигзагообразно движутся поверх моря тел в переполненном баре. При каждой вспышке света я все четче вижу девушку у стены.

– ШЕСТЬ! ПЯТЬ!

Белое платье. Красные балетки. Конский хвост.

– ЧЕТЫРЕ! ТРИ!

Это точно Саммер.

– ДВА!

Но она еще с кем-то.

– ОДИН!

Резко отворачиваюсь в момент, когда рот Хантера жадно накрывает идеальные губы Саммер.

– С НОВЫМ ГОДОМ!

4

Фитц

На следующее утро я просыпаюсь с ясной головой. Закономерный результат всего трех выпитых бутылок пива и возвращения в гостиничный номер вскоре после полуночи.

В новогоднюю ночь.

Ну чем я не эталон примерного поведения?

В телефоне дюжина сообщений и пропущенных звонков. Запустив пальцы в спутанные волосы, я перекаत्याюсь на спину и просматриваю уведомления.

Оба моих родителя написали ровно в полночь. Так и вижу: каждый из них сидит у себя дома в 23:59, занеся руку над телефоном как над кнопкой ответа в игре *«Семейное противостояние»*¹², чтобы обязательно успеть отправить сообщение первым. Соревнуются как дети.

ОТ МАМЫ: *«С Новым годом, милый! Люблю тебя очень, очень, о-о-очень сильно! Это будет самый лучший год! ТВОЙ год! Йу-ху!»*

О, господи. Матери не имеют права говорить «йу-ху». От отца сообщение не лучше.

¹² В России аналог этой игры называется «Сто к одному».

ОТ ПАПЫ: *«С Новым годом. Мы это сделали».*

Мы это сделали? Что сделали? Когда родители пытаются казаться крутыми, мне за них прямо стыдно.

От друзей пришли сообщения поинтереснее.

ОТ ХОЛЛИСА: *«Ты, блин, где? Печенька только начинается».*

ОТ ХОЛЛИСА: *«Печень».*

ОТ ХОЛЛИСА: *«Вече».*

ОТ ХОЛЛИСА: *«Вечеринка!!!!!! ГРЕБАНЫЙ ТЕЛЕФОН»*

ОТ ГАРРЕТТА: *«С Новым годом! Куда убежал, Колин?? (Все еще странно называть тебя так)».*

Мои прежние товарищи по команде Логан и Такер прислали поздравления в многочисленные групповые чаты. Тук и Сабрина добавили фото своего малыша, которое наши друзья закидали смайликами-сердечками.

Пьер написал что-то по-французски.

Мои нынешние товарищи по команде наполнили ветку обсуждений добрыми пожеланиями и различными видео с

зернистой картинкой и хаотичным звуком, снятыми на вечеринках, где они вчера тусили.

Но одно имя заметно отсутствует среди поздравлений в общем чате и конкретно в моем телефоне. Полный шок. Ни словечка от Хантера. Бьюсь об заклад, он был слишком занят прошлой ночью, чтобы писать кому-то.

Занят, занят, занят.

Я стараюсь не замечать резкий спазм в груди и усилием воли выкидываю из головы все мысли о Хантере и его супер-насыщенной ночи. Продолжаю копаться в телефоне.

Девушка, с которой я был знаком в старшей школе, прислала стандартное поздравление. По какой-то причине она еще не удалила меня из списка контактов, поэтому на каждый праздник отправляет сообщение.

Холлис прислал еще несколько смешных посланий.

ОТ ХОЛЛИСА: *«Йоу. бар закрывается. где ты. нашел отсос или что?»*

ОТ ХОЛЛИСА: *«Пошли к Дэнни на печеньку. новый друг. ты его полюбишь.»*

ОТ ХОЛЛИСА: *«Ну ладно».*

ОТ ХОЛЛИСА: *«считаю что ты мортв».*

ОТ ХОЛЛИСА: *«но надеюсь ты жив!!! Я лю тя, брат. новый год, новые мы. клянусь».*

О боже, у пьяного Холлиса нужно отбирать телефон. Все еще посмеиваясь, открываю следующее сообщение.

Оно от Дина.

Смех застревает в горле, стоит его прочитать.

ОТ ДИНА: *«С Новым годом! Надеялся поговорить до твоего ухода. Буду в большом долгу, брат».*

ОТ ДИНА: *«Вам еще нужен четвертый сосед?»*

5

Саммер

Две недели спустя

В речи заместителя декана слышится фальшивый британский акцент.

После семи минут, проведенных в его кабинете, я в этом совершенно уверена. Так и подмывает спросить его, откуда он родом, но не думаю, что мистер Ричмонд обрадуется. Он явно наслаждается своей нравоучительной лекцией.

– ...испытательный срок, – задыхается он. В голосе звучит странное хриплое кваканье. Мне кажется, именно так могла бы разговаривать жаба.

В голове тут же возникает кличка: Жабья Сволочь.

– ...политику абсолютной нетерпимости, с учетом характера вашего предыдущего исключения...

Или Своложаба. Так звучит лучше.

– Саммер.

Он произносит мое имя как Сам-р. Пытаюсь вспомнить, как это делал Гэвин – сексуальный герцог, с которым я встречалась прошлым летом в Англии. Хотя их акценты нельзя сравнивать. В жилах Гэвина течет голубая кровь, так что и

артикуляция у него аристократическая, какая бывает лишь у членов королевской семьи. Конечно, в очереди на трон перед ним еще около сорока претендентов, но все равно они с мистером Ричмондом как небо и земля.

Заместитель декана в Брайаре – далеко не герцог. И его первое имя, Хэл, звучит не очень-то по-британски. Разве что это сокращение от полного? Хэллем? Хэлберт?

– Мисс Ди Лаурентис!

Вскидываю голову. Выражение лица у Своложабы такое же недовольное, как и его голос. Я отключилась во время беседы, и он это знает.

– Понимаю, правила поведения и политика учебного заведения не самая захватывающая тема для обсуждения, но вам больше прочих следовало бы быть внимательной. От этого зависит ваша дальнейшая судьба в наших стенах.

– Извините, – выдавливаю я. – И в мыслях не было игнорировать вас или вести себя невежливо. У меня просто... эм-м-м... проблемы с концентрацией внимания.

– СДВГ указан в записях, – кивает он, глядя в мое досье. – Вы проходите какой-нибудь курс лечения?

Испытываю прилив злости. Ни от чего я не лечусь, но это не его чертово дело.

Верно?

Делаю мысленную заметку, чтобы уточнить у родителей-адвокатов. Но я и без того совершенно уверена, что студент не обязан сообщать университету о лекарствах, кото-

рые принимает.

– Конечно же, у вас указаны и мои проблемы с письмом? – ухожу от вопроса так, что отец мог бы мной гордиться.

Отвлекающий маневр сработал. Своложаба заглядывает в досье и листает страницы:

– Трудности с письменной речью – отмечены, что также является симптомом СДВГ. Ваш куратор в отделении Браун рекомендовал по возможности применять альтернативные методы оценки. Дополнительное время на сдачу тестов, внеурочные часы обучения и побольше устных экзаменов вместо письменных. Для вас все письменные задания являются проблемой или только большие по объему?

– Почти все письменные работы вызывают затруднение. – Мои щеки пылают. Чертовски неловко сидеть тут и обсуждать, какая я тупая.

Ты не тупая, Саммер. Ты просто иначе обучаешься.

Мамин голос всплывает в голове и повторяет те же слова ободрения, которые я слышала всю свою жизнь. Хотя я всем сердцем люблю родителей, их поддержка не делает менее унижительным тот факт, что у меня не получается упорядочить мысли на бумаге. Черт, даже думать об этом дольше пяти секунд не в силах, начинаю отвлекаться.

Не только у меня проблемы с обучением, это понятно. Но когда оба родителя и два старших брата поступили в Гарвард на юридический факультет, а ты разбираешься лишь в модных тенденциях и даже один жалкий абзац написать не мо-

жешь, сложновато не чувствовать себя... неравной им.

— Мы попытаемся предложить ту же академическую помощь, которую вы получали в отделении Браун, но не все профессора смогут подстроиться. — Своложаба перевернул страницу. — Взглянем на ваше расписание... Подозреваю, сложности могут возникнуть только с письменными заданиями по истории костюма или основам цвета и дизайна. Остальные предметы отличаются более практической направленностью.

Не могу скрыть облегчения. Помимо двух названных учебных предметов я изучаю технологию текстильных изделий, которой очень заинтересовалась. Швейное и портняжное дело интересны чуть меньше. Еще я должна выполнить самостоятельную работу, которая подразумевает разработку и демонстрацию линии одежды на показе в конце учебного года. Все это почти полностью состоит из практических заданий. Большинство обязательных предметов я сдала еще на первых двух курсах в Брауне, например, такой кошмар как литературу, обществоведение и гендерные исследования. Возможно, поэтому и числилась там постоянно на испытательном сроке. Я с трудом осилила каждую дисциплину.

— Но, как я уже говорил, не будет никаких поблажек. Никаких вторых шансов. Если вы начнете доставлять нам проблемы, если не сможете соответствовать минимальным учебным требованиям и поддерживать на должном уровне свой средний балл, будете отчислены. Это понятно?

– Более чем, – пробормотала я.

– Замечательно.

Р-р-р. Его акцент *фальшивый*. Я в этом уверена.

– Эй, мистер Ричмонд, разрешите поинтересоваться, из какой именно части Великобритании вы родом? У вас говор, как у моего друга Маркуса, а он из...

– Ваши проблемы с концентрацией внимания действительно вызывают беспокойство, – перебивает меня он. – Вы так и не ответили, проходите ли курс лечения?

Ох, отвянь от меня.

– Могу я идти? – спрашиваю сквозь зубы после того, как мы пару секунд сверлим друг друга взглядами.

– Осталось обсудить последнее, – с ехидством отвечает он.

Всеми силами удерживаю себя на стуле.

– Уверен, вы заметили, что в расписании нет имени куратора.

Вообще-то, не заметила. Но, конечно же, там есть соответствующая пустая строчка, раз он так говорит.

– Это потому что я решил курировать вас лично.

Волна тревоги захлестывает меня. Что? Это вообще законно?

Что ж, без сомнений *законно*. Но... с чего бы заместителю декана работать куратором у специалиста по моде?

– Обычно я таким не занимаюсь. Однако, учитывая обстоятельства, при которых вы были приняты в этот универ-

ситет...

– Обстоятельства? – встречаю я, сбита с толку.

Его темные глаза сверкают со... злобой, что ли?

– Я понимаю, что ваш отец и декан – давние друзья и играют в гольф вместе...

Он определенно зол.

– ...и я прекрасно осведомлен о многочисленных пожертвованиях от вашей семьи для университета. Вместе с тем, я не сторонник принципа «рука руку моет». Считаю, что поступление в этот университет – как и в любой другой – должно происходить на основе личных заслуг студента. Так что... – Он пожимает плечами. – Считаю разумным проследить за вашим обучением и убедиться, что вы ведете себя в соответствии с правилами, которые мы недавно обсудили.

Уверена, мои щеки сейчас цветом краснее самых спелых помидоров. Меня смертельно унижает факт, что папе пришлось просить декана Прескотта об одолжении, чтобы потерпевшую фиаско дочь зачислили в Брайар. Если бы решение зависело от меня, вообще бы бросила учебу. Но я пообещала родителям получить диплом и не собираюсь их разочаровывать.

– Будем встречаться раз в неделю, чтобы я мог оценить ваши успехи и дать наставления в качестве научного руководителя.

– Звучит здорово, – соврала я. И на этот раз вскочила на ноги без всякого разрешения. – Мне нужно бежать, мистер

Ричмонд. Почему бы вам не прислать мне расписание встреч по электронной почте, чтобы я отметила эти дни в календаре? Большое спасибо за вашу помощь.

Уверена, он не упустил нотку иронии в последнем слове – *помощь*, но просто не успевает ответить. Я уже выскальзываю за дверь, машу на прощание его секретарю.

Оказавшись на улице, полной грудью вдыхаю морозный воздух. Обожаю зиму, а мой новый кампус, облепленный слоем белоснежного инея, выглядит особенно волшебным. Однако сейчас из-за внутреннего напряжения, вызванного неприятным разговором, насладиться этим не получается. Не могу поверить, что придется регулярно общаться с Ричмондом. Он вел себя как придурок.

Делаю еще один вдох, поправляя ремешок сумки от Chanel, направляюсь к парковке за зданием администрации. Это невероятно старинное красивое кирпичное строение, увитое плющом. Брайар – один из наиболее древних и престижных университетов страны. Из его стен выпустились несколько президентов и тонна политиков. Это впечатляет. В последнее десятилетие здесь открыли менее серьезные направления, как, например, программу обучения дизайну одежды, окончив которую, я получу степень бакалавра изящных искусств.

Несмотря на мнения *некоторых* отдельных личностей, мода – это не пустяк.

И я – не пустышка.

Выкуси, Колин Фитцджеральд!

Волна неконтролируемой ярости подкатывает к горлу, но пытаюсь ее подавить. Я не злопамятная, характер еще тот, это правда, но вспышки гнева обычно сразу угасают. Я не умею обижаться на людей долго – вокруг и так полно негативной энергии. И определенно не люблю упиваться этим.

Но прошло уже две недели с новогодней ночи, а я все не могу забыть дурацкие слова, подслушанные возле бара.

Он назвал меня пустышкой, считает меня поверхностной. *Забудь. Он не стоит твоих мыслей.*

Правильно. Ну и что, если Фитц считает меня поверхностной? Он такой не первый и не последний. Люди склонны считать всех богатых девушек из Коннектикута меркантильными стервами.

«Говорит меркантильная стерва на серебристой Audi», – усмехается внутренний голос, когда я подхожу к своей сияющей, дорогой машине.

Ох. Даже собственное эго пытается меня пристыдить.

– *Это же подарок*, – напоминаю своему рассудку-предателю. Подарок родителей к окончанию школы, сделанный, соответственно, три года назад. Для автомобиля это уже почтенный возраст. И как мне следовало поступить? Отвергнуть подарок? Я же папина малышка, его принцесса. Он будет баловать меня, хочу я того или нет.

Но наличие хорошей машины не делает человека поверхностным, равно как и интерес к моде, и участие в жизни жен-

ского студенческого общества.

Забудь его.

Нажимаю на брелок, чтобы открыть дверь машины, но за руль не сажусь. Какая-то неведомая сила мешает сделать этот шаг. Полагаю, это называется: «*О, Господь Вседержитель, я не хочу возвращаться домой и видеть парня, который считает меня пустышкой*».

Трудно представить, что еще две недели назад меня будоражила мысль о встрече с Фитцем. Теперь это ужасает. В Сказке больше нет ничего волшебного, все превратилось в осуждающий Кошмар.

Давлю на кнопку блокировки. Пошел он. Лучше сначала заскочу выпить кофе в Coffee Hut. Я еще не готова к встрече с этим парнем.

Трусиха.

Быстрым движением снимаю блокировку замка. Я, Саммер Хейворд-Ди Лаурентис, не трусиха. Мне наплевать, что Колин Фитцджеральд думает.

Запираю машину.

Потому что на самом деле мне очень даже *не* наплевать.

Отпираю машину.

Потому что должна перестать беспокоиться.

Запираю.

Отпираю.

Запираю.

Отпираю.

– Ясно! Решила пошалить! – восклицает восторженный голос. – Дай угадаю: машина твоего бывшего?

Буквально подпрыгиваю от неожиданности. Я так увлеклась дурацким брелоком, что не заметила, как эта девушка подошла.

– Что? Нет. Она моя.

– Правда? – Ее темные брови сходятся к переносице. – Зачем тогда переключать режимы?

– А с чего ты взяла, что это машина бывшего? – тоже озадачиваюсь я. – Что, по-твоему, я собиралась сделать?

– Посадить батарейку на брелке, чтобы потом ее нельзя было открыть. Я подумала, что ты украла ключи и искала способ насолить.

– Шутишь? Такими темпами я бы устала быстрее, чем завершила пакость. Пришлось бы стоять несколько часов подряд и ждать, пока батарея сядет. Если бы хотела отомстить, то просто проколола бы пару шин. Быстро и эффективно.

– Проколоть шины? Звучит безумно, мне нравится. – Она одобрительно кивает, из-за чего густые каштановые волосы ниспадают на плечо. – Ладно. Наслаждайся занятием, в чем бы, черт возьми, оно ни заключалось. Пока.

Брюнетка уходит.

– Эй, – окликаю я ее. – Тебя подвезти?

Потрясающе. Неужели я докатилась до того, что предлагаю услуги такси совершенно незнакомым людям? Уровень паники перед встречей с Фитци бьет все рекорды.

Девушка оборачивается и смеется.

– Спасибо, но мне нужно в Гастингс. – Она подразумевает ближайший город, расположенный в нескольких минутах езды от моего кампуса.

– Мне тоже туда надо, – вырывается невольно. Это знак. возвращаться домой пока рано. Вселенная желает, чтобы сначала я подвезла эту цыпочку.

Она медленно подходит обратно, изучая меня пронизательным взглядом карих глаз с головы до ног. Я совершенно уверена, что выгляжу крайне безобидно. Волосы собраны в небрежный пучок, на мне бушлат кремового цвета, темно-синие узкие джинсы и коричневые кожаные сапоги для верховой езды. Я словно сошла со страниц каталога Gap.

– Убивать тебя не собираюсь, – уверяю любезно. – Случись что, это мне придется беспокоиться о безопасности. Твои каблуки выглядят как смертельное оружие.

Вообще-то, *она* вся выглядит опасной. На ней леггинсы, пальто и ботинки с устрашающими четырехдюймовыми¹³ каблуками, причем все это черного цвета. На голове красная вязаная шапочка, из-под которой струятся темные волосы, на губах вечерний макияж с ярко-красной помадой, хотя еще только полдень.

Она такая крутая, что уже мне нравится.

– Я – Саммер, – добавляю. – Перевелась из отделения Браун и с недавних пор поселилась в таунхаусе в Гастингсе.

¹³ Около 10 см.

Она ненадолго поджимает губы, прежде чем ответить.

– Я – Бренна. Тоже живу в этом городе. – Она пожимает плечами и шагает к пассажирской двери. – Открывай уже без шуток, сумасшедшая. Поеду с тобой.

6

Саммер

– Слушай, не то чтобы я жалуясь... поверь, только счастлива сэкономить на такси... Просто интересно, ты всегда цепляешь первых встречных девчонок на парковке? – весело спрашивает Бренна.

– Нет, – фыркаю. – И, к твоему сведению, я никого не цепляла. В смысле, ты красотка, но я предпочитаю мужчин.

– Ха. Я тоже их предпочитаю. Но даже если бы была любительницей женщин, то ты не в моем вкусе, Барби из Малибу.

– Ты ошиблась побережьем: я из Гринвича, штат Коннектикут, – с улыбкой отбиваюсь я от шутливых обвинений. – И нет, обычно я так легко не впускаю опасных незнакомок в свою жизнь. – Врать ей не хочется. – Просто ищу повод не ехать домой.

– О-о-о. Интрига. И почему? – Бренна ерзает на сиденье, меняя положение так, чтобы лучше меня видеть. Я чувствую ее сверлящий взгляд, но упорно смотрю на дорогу. Две полосы движения очень узкие, а по земле стелется снежная поземка, поэтому ехать приходится осторожно. На моем счету уже есть два ДТП, оба случились, когда я неправильно рассчитала тормозной путь на зимней дороге.

– Я переехала несколько дней назад, – поясняю попутчи-

це. – Соседей по комнате не было в городе: уехали кататься на лыжах в Вермонт или куда-то еще, так что была предоставлена сама себе. Сегодня утром сообщили о возвращении. – Я подавила нервную дрожь. – Может, сейчас уже дома.

– И что? Чем плохи эти соседи? Они прикурки?

Один из них – да.

– Это долгая история.

– Мы не знаем друг друга, просто едем в одной машине, – со смехом напоминает Бренна. – О чем нам еще говорить, о погоде? Давай, рассказывай, почему ты невзлюбила этих цыпочек.

– Петушков, – поправляю я.

– Что?

– Мои соседи по комнате – парни. Три парня.

– Вот это, *мать мою*, да. Расскажи мне еще про них. Они – секси?

– Очень, – не могу не рассмеяться я. – Но с ними все сложно. Я целовалась с одним из них на новогодней вечеринке.

– И? Не вижу в этом проблемы.

– Это была ошибка. – Я прикусила губу. – Я влюбилась в одного из двух других. Но услышала, как он говорит про меня гадости, и так расстроилась, что...

– Что в отместку поцеловалась с его соседом. Ясненько.

Осуждения в ее голосе нет, но все равно хочется оправдаться.

– Это нельзя назвать только мстью. – Я издала раздра-

женный стон. – Вообще-то, поцелуй мне понравился.

– Но ты бы не поступила так, если бы не злилась на другого парня.

– Скорее всего, нет, – соглашаюсь я, притормаживая на перекрестке на красный сигнал светофора.

– И какие именно гадости он говорил? – с любопытством спрашивает Бренна.

Моя нога подрагивает на педали тормоза от болезненных и постыдных воспоминаний о том, как я вышла из туалета и подслушала у бара разговор Фитци с Гарреттом. Меня не столько расстроило клеймо «пустышки», сколько перечисление списка причин, по которым он ни за что в жизни не станет встречаться с такой, как я.

– Он сказал приятелю, что я поверхностная. – Чувствую, что лицо горит. – Считает легкомысленной тусовщицей, с которой никогда не пошел бы на свидание.

– Вот козел! – шлепнула ладонью по бедру Бренна. – К черту его.

– Правда?

– Боже, теперь тебе приходится жить с этим насекомым? – В ее голосе звучит неподдельное сочувствие. – Хуже не придумаешь. Мне тебя очень жаль.

– Да, полный отстой. Я... – Давлюсь горечью, словно жвачкой. – Пожалуй, я злюсь, но еще и ужасно разочарована.

– Господи, говоришь, как мой отец, – она понижает тембр голоса и изображает мужской голос: – «Я не сержусь на те-

бя, Бренна. Я просто... разочарован». Тьфу. Ненавижу.

– Прости, – хихикаю я, – но это правда. Я считала его хорошим парнем, он мне нравился. Была даже уверена, что он вот-вот сделает первый шаг: от него исходили такие флюиды, понимаешь? И я точно зашла бы с ним дальше поцелуев. – Здесь становится неловко. – Для меня это очень важно: я сплю с парнем, только когда мы встречаемся, уже сходим на несколько свиданий...

– Ханжа, – выдает она.

– Эй, может, я и способна сжечь особняк женского общества, но в душе консерватор.

– Хорошо! – восклицает Бренна. – Мы еще вернемся к упоминанию сожженного особняка, поверь мне, черт возьми. Но пока остановимся на этой теме. Итак, ты обычно не даешь понюхать розу парню, пока тот не станет твоим принцем. А этому придурку сразу была готова подарить весь цветущий сад? Вот только он показал истинное лицо, и вместо него ты замутила с его другом.

– Практически.

Мысленно возвращаюсь к моменту, когда Хантер Дэвенпорт не дал мне покинуть бар. Я пробиралась сквозь толпу к выходу. То, как Фитци описал меня Гарретту, звучало настолько обидно, что я решила забить на новогоднюю вечеринку. Но случайно наткнулась на Хантера, он сумел меня как-то рассмешить. Даже не помню, что именно он сказал, потому что в памяти осталось только следующее: наступила

полночь, и Хантер притянул к себе и поцеловал. Это было возбуждающе. Он великолепно целовался, его твердый, как камень, член упирался в меня. Не могу сказать, что сожалею об этом, тогда мне все понравилось.

Но тогда я и подумать не могла, что в итоге стану жить с этим парнем.

Дин все устроил, даже не посоветовавшись со мной. Однако, если честно, я бы ни за что не упустила возможность переехать в дом, где он жил раньше. Не только потому, что там в миллион раз лучше, чем в общежитии, но и поскольку найти жилье в Гастингсе безумно сложно. Отыскалась бы разве что крошечная квартирка на цокольном этаже, но даже такой вариант долго не остается свободным. В маленьком городке трудно найти свободное жилье.

Минус лишь в том, что теперь я вынуждена жить с одним парнем, которого поцеловала, и с другим, которого когда-то отчаянно *хотела* поцеловать. Ах да. Еще с Холлисом, но это не страшно, к нему я равнодушна...

– А ви... – Бренна еще больше поворачивается ко мне.

– Ви? – передразниваю я.

Она ухмыляется.

– Моя мать была родом из Джорджии. «Ви» – так произносятся некоторые звуки южным говором, который я у нее переняла.

– Была?

– Она умерла, когда мне было семь, – слегка мрачнеет

Бренна.

– Прости. Наверное, тяжело пережить такое.

Жизнь буквально пошла бы под откос, не будь у меня мамы. Она моя опора.

– Тяжело. – Бренна быстро меняет тему: – Ладно. А *ви* все до Нового года знали, что будете жить вместе?

– Даже представления не имели. Я бы ни за что не связалась ни с одним из них, если бы заранее знала. Это ставит меня в неловкое положение. И без того приходится привыкать жить с тремя парнями после двух с половиной лет, проведенных в особняке женского общества только с девчонками.

– Согласна, но, похоже, парни не считают положение неловким, раз позволили тебе переехать. Они ведь все дали добро, да?

– Да. – Это не совсем правда. По факту я поговорила только с Майком Холлисом и обменялась несколькими СМС с Хантером. К счастью, он не поднимал тему наших поцелуев. – Я пообщалась с двумя из них. Правда, с Фитцем на связь не выходила.

Краем глаза замечаю, как Бренна резко поворачивает голову в мою сторону.

– Ты сказала «Фитц»?

О черт.

Тревога тугим узлом скручивается в желудке. Они знакомы? Вполне вероятно, Фитц не самое распространенное из

прозвищ.

К счастью, появилась прекрасная возможность сменить тему: мы выехали на великолепную главную улицу Гастингса.

– Без конца думаю о том, какой это милый город, – защебетала я, притворяясь, что рассматриваю магазины и рестораны, расположившиеся вдоль дороги. Только бы не встретиться с Бренной взглядом. – О, круто! Я и не знала, что здесь есть кинотеатр.

Ложь. Конечно, знала. На то, чтобы изучить Гастингс и его «достопримечательности», у меня ушло пять минут.

– Только выбор там небогатый. Всего три кинозала. – Она указывает на витрину магазина, находящегося сразу за городской площадью. – Я встречаюсь с друзьями в закусочной «У Деллы». Это здесь.

«У Деллы» я еще не бывала, но собираюсь заглянуть. Похоже, заведение оформлено в стиле 50-х, а официантки одеты в старомодную униформу. Мне говорили, они подают бесчисленное количество разнообразных пирогов.

– Парень, который облил тебя грязью, его зовут Фитц?

Проклятье. Я надеялась, что ее внимание удалось отвлечь, но Бренна была непреклонна.

– Да, – отвечаю честно. – Но это кличка.

– Сокращение от Фитцджеральд? А имя Колин?

Вот дерьмо.

– Ты же не его бывшая или кто-то вроде того, нет? – при-

щуриваюсь я с подозрением.

– Нет. Но мы дружим, точнее, приятельствуем. С Фитци сложно дружить в полной мере.

– Это почему?

– Он загадочный, крепкий, молчаливый парень, и так далее и тому подобное. – На мгновение она умолкает. – А еще я никогда не замечала за ним склонности говорить гадости о девчонках. Да и вообще о ком-либо, раз уж на то пошло.

– Я ничего не придумала, если ты на это намекаешь. – Стискиваю зубы.

– Совсем не намекаю, – отмахивается она. – Я за милую вычисляю лжецов, а ты выглядишь искренне расстроенной. И вряд ли бы стала целоваться с другим, если... О, боже, так это Дэвенпорт – тот, другой? Хантер Дэвенпорт, да? Это с ним ты замутила?

Я еще никогда в жизни не чувствовала себя так неловко. Со стиснутыми зубами подъезжаю к закусочной и останавливаюсь у обочины, не заглушив мотор.

– Приехали.

Бренна пропускает это мимо ушей, будто сама с собой разговаривает:

– Да, конечно, это он. Не могу представить тебя с занудным Холлисом. Тот без конца бы нашептывал какие-нибудь неловкие вещи.

– Значит, Хантера и Холлиса ты тоже знаешь? – вздыхаю я.

Она закатывает глаза.

– Я знаю их всех. Мой папа – Чед Дженсен.

– Кто? – стопорюсь на этом имени.

– Главный тренер мужской хоккейной команды. Я – Бренна Дженсен.

– Тренер Дженсен – твой отец?

– Ага. Он... – Ее челюсть вдруг отваливается от возмущения. – Погоди-ка... Ты сказала, они на этой неделе поехали кататься на лыжах? Вот засранцы! Им же нельзя это делать в середине сезона. Папа убьет их, если узнает.

Черт, это полностью моя вина. Упоминая о катании на лыжах, я не предполагала, что Бренна поймет, о ком идет речь.

– Он ничего не узнает, – твердо говорю я, – потому что ты ничего не скажешь.

– Не скажу, – уверяет она, но довольно рассеянно, и на этот раз смотрит на меня в полном замешательстве. – Ничего не понимаю. Что могло заставить девушку из женского общества в отделении Браун переехать жить к трем хоккеистам? Которые, кстати, считаются завидными женихами с большой буквы. Каждая фанатка в радиусе пятидесяти миль серьезно настроена подцепить хоккеиста из Брайара, потому что в итоге многих из них берут в НХЛ.

– Они дружат с моим старшим братом. Он играл здесь в хоккей в прошлом году.

– А кто твой брат? – напирает она.

– Дин Хейворд-Ди Лау...

– Лаурентис, – с придыханием заканчивает Бренна. – Боже мой, теперь я вижу внешнее сходство. Ты сестра Дина.

Неохотно киваю. Чертовски надеюсь, что она не из его бывших подружек. Дин был тот еще Казанова, пока не влюбился в Элли. Не хочу даже знать, сколько сердец остались разбитыми после его походов.

Бренна бледнеет, словно читая мои мысли.

– О нет. Не волнуйся. Я никогда с ним не встречалась. Даже не училась в Брайаре до этого года.

– Не училась?

– Нет. Я два года провела в муниципальном колледже в Нью-Гэмпшире, – объясняет она. – Перевелась сюда в сентябре. Я на третьем курсе, но фактически как первокурсница, потому что первый год здесь.

Неожиданно Бренна подпрыгивает на сиденье, словно сумочка ее укусила.

– Погоди. Кто-то звонит.

Нетерпеливо жду, пока она проверит телефон. Хочу вытянуть из девчонки быстрее как можно больше деталей. Редкая удача, что случайным образом ко мне в попутчицы попала именно дочь хоккейного тренера Фитци. Может, она и учится в Брайаре первый год, зато определенно много знает об игроках своего отца, даже про моего брата, с которым толком не знакома.

Бренна отправляет короткое сообщение.

– Прости. Друзья беспокоятся, куда я пропала. Мне нужно

идти.

– Seriously? – Я пристально смотрю на нее. – Ты не можешь просто объявить себя дочерью тренера, а затем уйти. Мне нужна вся информация о наших общих знакомых, какая только у тебя есть.

– Ну еще бы, – ухмыляется она. – Нам по-любому нужно снова пересечься. Я бы пригласила тебя и сейчас с нами пообедать, но не хочу становиться запасным аэродромом.

– Что ты имеешь в виду?

– Имею в виду, что тебе нужно пойти домой и встретиться с соседями. Уладить все недопонимания. Давай отправлю СМС с твоего телефона, чтобы сохранился мой номер, – она выхватила мобильный из подставки на приборной панели. – Пойдешь со мной на игру завтра вечером?

– На игру?

– Брайер играет против Гарварда. Отец хочет меня видеть на всех домашних играх и на тех гостевых, которые находятся в пределах часа езды от кампуса.

– Seriously? А если у тебя появляются другие планы?

– Тогда он урезает мои карманные расходы.

– Да ты шутишь...

– Ага. – Она пожимает плечами. – Если мне некогда, на игру не хожу, если свободна – посещаю. Не так уж много отец и просит, а я люблю хоккей и симпатичных парней, так что это не в тягость.

– Хорошая позиция.

Телефон снова вибрирует, но на этот раз из-за сообщения, отправленного с моего мобильного.

— Ну вот. Мы обменялись номерами. На следующей неделе начнем планировать свадьбу.

Я фыркаю.

— Спасибо, что подвезла. — Бренна выскочила из машины и собирается уже захлопнуть дверь, как снова заглядывает обратно. — Эй, чью футболку мне надеть завтра вечером? Фитци или Дэвенпорта?

Она невинно подмигивает, а я, нахмурившись, показываю средний палец.

— Не смешно.

— Это ужасно смешно, ты и сама знаешь. Увидимся завтра, сумасшедшая.

С завистью провожаю ее взглядом до дверей закусочной. Я бы с удовольствием сейчас съела пирог. Но Бренна права: нельзя же все время избегать проблемы. Пора возвращаться домой.

Подъезжая, мы видим на парковке перед домом сверкающую Audi. Плечи инстинктивно напрягаются, надеюсь, что Хантер не заметил этой реакции. Мне даже не нужно бросать оценивающий взгляд в сторону водительского кресла: и так ощущаю *его* волнение при виде машины Саммер. По крайней мере, я предполагаю, что автомобиль – ее. Единственное место в гараже на время поездки в Вермонт заняла моя потрепанная Honda, так что больше некуда припарковаться. К тому же, это чертова Audi.

Хантер оставляет Landrover за серебристой машиной и обращается к нам суровым голосом:

– Смотрите не проговоритесь.

– Само собой, – громко зевает Холлис и отстегивает ремень безопасности. Всю обратную дорогу он спал как сурок на заднем сиденье.

– Я не шучу. Если тренер узнает...

– Не узнает, – уверяет его Холлис. – Мы никуда не ездили. Правда, Фитц?

Решительно киваю.

– Никуда.

– Хорошо. Но давайте еще раз повторим легенду на слу-

чай, если он спросит завтра на тренировке. — Хантер заглушил мотор. — Мы гостили у родителей Майка в Нью-Гэмпшире. Сидели у камина, нежились в горячем джакузи, играли в «Монополию».

— Я победил, — пискляво добавляет Холлис.

Закатываю глаза. Естественно, он обязательно должен победить в вымышленной игре.

— Не-е-е, я выиграл, — сообщаю самодовольным тоном. — Приобрел целую улицу и построил на ней восемь отелей.

— Иди к черту. Это я купил улицу.

— Никто из вас не покупал улицу, — ворчит Хантер. — Мы не играли в «Монополию».

Он прав. Мы катались на лыжах, то есть совершали самую большую глупость, на какую только оказались способны в середине игрового сезона. Но мы трое дурно влияем друг на друга. Каждый из нас вырос на восточном побережье и обожает зимние виды спорта. Когда Холлис предложил тайком сгонять покататься на лыжах во время каникул, это звучало слишком заманчиво, чтобы упускать возможность.

Тренер будет вне себя от ярости, если узнает. Хоккеистам запрещено подвергать свое тело, а значит исход игрового сезона, риску. Провести выходной под градусом, катаясь на лыжах в Вермонте? Смертный грех.

Но иногда ведь и потехе нужно дать время, верно?

И нет, я не соглашался на эту поездку лишь для того, чтобы подольше не видеть Саммер. Это было бы жалко и глупо,

а я не такой.

Ну и что, если Саммер переспала с Хантером? Она не в моем вкусе, к тому же теперь арендная плата понизилась. Я в выигрыше, как ни крути.

– Итак, все запомнили легенду? Нью-Гэмпшир. Камин, джакузи, «Монополия», горячий шоколад.

– Горячий шоколад?! – кричит Холлис. – Какого черта! Ты постоянно придумываешь новые повороты сюжета. Не уверен, что смогу столько всего удержать в голове.

Меня разбирает смех.

– Вы, парни, тренируетесь у Дженсена на год дольше меня, – качает головой Хантер. – Кому, как не вам, знать, что случится, если он узнает правду о выходных. Катание на лыжах – это уже проступок, а за выпивку он нас живьем сгноит.

У нас с Холлисом пропадает желание шутить. Он прав. В последний раз игрока, погулявшего на вечеринке, выгнали из команды. Им оказался Дин, который принял немного экстази, а на следующий день проба мочи это выявила.

В выходные мы всего лишь выпили немного пива и выделяли всякие трюки на склоне, чего, возможно... ну ладно, совершенно точно не должны были делать.

– Пойдем внутрь. Нехорошо заставлять новую соседку ждать, – Холлис прямо-таки светится, у него улыбка до ушей.

– Руки прочь. – Хантер мрачно смотрит на него и выпрыгивает из Range Rover.

– И не подумаю. Ты ее еще не застолбил.

– Во-первых, она не вещь, а соседка, – вскидывает бровь Хантер. – Но если Саммер требуется застолбить, то я это сделал, поцеловав ее.

Мои челюсти непроизвольно сжимаются.

– И то верно, – со вздохом уступает Холлис. – Выхожу из игры.

Мои лицевые мышцы расслабляются от смеха. Он так говорит, словно рассчитывал на победу. Холлис симпатичный парень, но абсолютный мужлан, да к тому же назойливый. Такая девушка, как Саммер, никогда на него не поведется.

– Спасибо, – паясничает Хантер, – это так великодушно с твоей стороны, Майк. Я до глубины души тронут.

– Да, я хороший друг, – соглашается Холлис.

Пока мы поднимаемся на крыльцо, в глазах Хантера разгорается очевидное предвкушение. Этого и следовало ожидать: я видел выражение его лица, когда Дин позвонил и сообщил, что Саммер негде жить. По всей видимости, он не может дождаться повторения событий новогодней ночи.

Будучи по своей натуре прагматиком, я задвинул чувства подальше и предупредил Хантера, что никакие повороты его отношений с Саммер не должны повлиять на условия проживания. На нем висит обязанность по арендной плате, но он уверяет, что проблем не возникнет.

Так, словно уверен, что между ними что-то *будет*.

Плевать. Даже если и так, мне все равно. Пусть трахаются.

У меня и без них есть дела поинтересней.

Закинув сумку с вещами на плечо, я жду, пока Холлис открывает входную дверь. Войдя в помещение, бросаю поклажу, и та опускается на пол с глухим стуком, затем слегка пинаю её ногой. Остальные поступают так же.

– Дорогая, мы дома! – кричит Холлис.

Сверху слышится смех.

Пульс учащается из-за звука приближающихся к площадке шагов. Саммер появляется у перил лестницы, одетая в штаны из флиса и толстовку с логотипом Брайара, волосы небрежно скручены в узел.

Глаза у Холлиса стекленеют. Во внешнем виде Саммер нет ничего неприличного, но она будет выглядеть сексуально даже в мешке из-под картошки.

– Привет. Добро пожаловать! – весело говорит она.

– Привет, – откликаюсь я напряженным голосом.

Хантер сдергивает с плеч пальто и небрежно вешает его на крючок.

– Блондиночка, – произносит он, растягивая слога, – рад, что ты теперь живешь с нами.

– Верно сказано, – кивает Холлис.

– О, спасибо. Я тоже рада.

– погоди. Нам нужно как следует поздороваться, – ухмыляясь, Хантер бросается вверх по лестнице.

Щеки Саммер слегка розовеют, когда он обнимает ее. Отвожу взгляд и притворяюсь, что очень занят процедурой вы-

бора места для куртки. Неизвестно, поцеловались они или нет, но на лице девушки все еще играет румянец, когда я заставляю себя повернуться обратно.

– Пойду переоденусь, – заявляет Хантер.

Он ныряет в свою комнату, а Холлис отправляется в сторону кухни. Я остаюсь с ней наедине, и мы вместе начинаем подниматься на второй этаж по лестнице.

– Вы втроем хорошо провели время? – Она настороженно смотрит в мою сторону.

– Классно, – киваю я.

Девушка отступает к порогу спальни.

Заглянув поверх ее плеча, замечаю идеально застеленную кровать с белым пуховым одеялом и горой подушек. На полу ярко-розовое кресло-мешок и белый ковер с длинным ворсом. Открытый ноутбук примостился на маленьком угловом столике, которого не было, когда тут обитал Дин.

Устроилась, как у себя дома.

«*Это и есть ее дом*», – напоминает внутренний голос.

– Спасибо, что разрешили... – Она тут же исправляется: – ...что согласились взять меня в соседи.

– Без проблем, – пожимаю я плечами. – Нам все равно нужен был четвертый.

Саммер постепенно увеличивает расстояние между нами, словно не хочет находиться рядом. Интересно, помнит ли она, как буквально вешалась на меня в новогоднюю ночь, а затем принялась сосаться с моим товарищем по команде?

Не то чтобы я огорчился или что-то типа того.

– В любом случае... – говорит она и замолкает.

Я тоже начинаю пятиться.

– Да. Я... пойду приму душ. Перед отъездом у нас был еще один заезд... кхм, заход в «Монополию», – вовремя спохватился я, – поэтому я весь потный.

– Не знала, что игра требует таких физических усилий, – ведёт бровью Саммер.

Слышно, как в дверях комнаты заржал Хантер.

Поворачиваюсь, чтобы смерить его взглядом, ведь это он придумал легенду с «Монополией». Однако вижу лишь пустое место. Хантер прошел мимо, надевая рубашку.

– Настолки – напряженный вид спорта, – неуверенно отвечаю я. – По крайней мере, когда в них играем мы.

– Интересно. Тогда надо как-нибудь устроить турнир на четверых. – Ее отступление заканчивается тем, что она врезается плечом в дверь. – Хорошо тебе отмокнуть под душем, Фитц.

Она исчезает в спальне, а я вваливаюсь в свою комнату. Едва ли не теряю сознание от облегчения, когда слышу вибрацию телефона. Мне нужно отвлечься прежде чем начну без конца прокручивать в голове наш чертовски неуклюжий разговор.

Текст на экране вызывает улыбку.

«Все еще торчу у третьих врат! Чтоб тебя черти драли, братан».

Вместо ответной СМС просто звоню приятелю. Моррис – мой напарник по видеоиграм, хороший друг. Сейчас он тестирует ролевою компьютерную игру, которую я разрабатывал на протяжении последних двух лет.

– Эй! – тут же отвечает Моррис. – Как мне попасть в Стальной Город, черт возьми?

– Так я тебе и сказал, – хихикаю я.

– Застрял здесь со вчерашнего вечера.

– Так и я буквально вчера ночью тебе ссылку на игру отправил. То, что за это время ты уже добрался до города очень впечатляет. – Я качаю головой. – Сегодня еще не заглядывал на форумы, но в последний мой визит никто из бет даже с уровнем деревни не справился.

– Ну естественно. Это потому что я превосхожу их во всех отношениях. Следует учитывать только мое мнение.

– И как впечатление?

– Чумовая игрушка.

Я испытываю воодушевление. Приятно слышать лестный отзыв от такого профессионального геймера, как Моррис, чей канал на Twitch приносит кучу денег. Да, люди действительно подписываются, чтобы наблюдать прохождение видеоигры онлайн. У него хорошо, даже слишком хорошо, получается транслировать виртуальные приключения.

Не люблю хвастаться, но я тоже вроде как популярен. Только не из-за трансляции видеоигр, а благодаря их обзорам. Вплоть до этого года я писал рецензии на игры для

университетского блога и чрезвычайно популярных игровых сайтов в интернете. Пришлось бросить, потому что на это уходила уйма времени, а мне требовалось сосредоточить силы на собственной разработке.

«Легион 48» не самая сложная из ролевых игр, это не мультиплеер, и в ней достаточно жестко прописан сценарий. В этом ее отличие от концепции открытого мира, где игрок может сам выбрать, куда ему направиться, с кем взаимодействовать и в каком порядке проходить уровни. С моим графиком довольно трудно найти время, чтобы сразиться в видеоигру, не то что разработать одну из них. Но я нахожусь в поисках работы в какой-нибудь компании в сфере компьютерных развлечений, поэтому мне необходимо было показать свои навыки. Может быть, «Легион 48» это не Skyrim¹⁴ и не «ГТА»¹⁵, но мне всего лишь нужно дать понять студиям, что я не полный профан.

Моя самая сильная сторона, думаю, заключается в том, что необходимое художественное оформление и программное обеспечение я создал лично. Сначала делал грубые наброски, затем оцифровывал, потом превращал в 3D-макеты. Я потратил на это бесчисленное количество времени, а на на-

¹⁴ Мультиплатформенная компьютерная ролевая игра с открытым миром, разработанная студией Bethesda Game Studios и выпущенная компанией Bethesda Softworks.

¹⁵ Серия мультиплатформенных компьютерных игр, созданных и разрабатываемых главным образом британской компанией-разработчиком Rockstar North (бывшая DMA Design).

писание чертовых программных кодов убил его еще больше.

– Уже нашел какие-нибудь ошибки? – интересуюсь я у Морриса.

– Ничего существенного. Когда разговариваешь с драконом в пещере, диалог зависает, а затем перескакивает к следующему фрагменту.

Хорошо, это легко исправить. Я испытываю облегчение, потому что часами подправлял и вычищал все назойливые глюки в пробной версии. Почти целый год я старался довести игру до ума. Первый запуск выявил множество ошибок. Каким-то чудом, несмотря на изнурительный график, я отладил игру достаточно, чтобы она стала полностью функциональной и готовой к заключительному этапу тестирования. Теперь в нее играют десятки геймеров, включая многих моих друзей по университету.

– Еще ни разу не выкинуло из игры, – услужливо добавляет Моррис.

– Еще? Сплюнь, приятель. Я уже отправил ее полудюжине студий. Если у них проявятся глюки...

– Все хорошо, – обнадеживает Моррис. – Игра не глючит. Теперь наконец-то ответь, как открыть третьи врата.

– Не-а.

– Но я умираю от желания увидеть Стальной Город. Может, надо с каким-то оракулом поговорить? Почему у меня не получается?

– Скорее, ты не так хорош, как думаешь.

– Да пошел ты. Ладно. Как хочешь. Я одолею эту штуку, а затем позвоню тебе, чтобы позлорадствовать.

– Не сомневаюсь, – ухмыляюсь. – До связи в сети, бегу в душ.

– Идет. Чао.

Я раздеваюсь и направляюсь в ванную пружинящим шагом. Заинтересованность Морриса «Легионом 48» переключила мое внимание, но ненадолго. Едва заслышав смех Саммер в коридоре, я ощущаю напряжение в мышцах. Бросаю взгляд на свое отражение в зеркале, подмечая огорченный взгляд и стиснутые челюсти. Суровое выражение лица дополняют татуировки: они полностью покрывают обе руки и часть груди, где набито монохромное изображение. Эта часть немного выцвела, но так даже лучше. Я сделал тату, не чтобы казаться крутым. Я художник и привык творить на чем угодно, хоть на холсте, хоть на собственной коже. Но вкупе с угрюмой миной и отросшей бородой татуировки превращают мой образ в настоящего бандита. Если быть честным, именно таким я и хотел стать в период непродолжительного подросткового бунта. Я набил первую татуировку, дракона, на левой руке, когда зависал с парнями, любившими решать все проблемы кулаками. Или кастетом. Они не настаивали, чтобы я делал тату, просто знали о салоне, где наносят рисунки несовершеннолетним без согласия родителей. Если честно, я сделал это назло предкам. На втором курсе программы изобразительного искусства в конце года была

устроена выставка ученических работ. Мама и папа на протяжении всего мероприятия переругивались друг с другом вместо того, чтобы поддержать сына. Они прошли мимо моих картин, слишком поглощенные ссорой, и не заметили мои работы. Поэтому пятнадцатилетний бунтарь, считавший себя крутым, решил: *«Отлично. Если из-за своей вражды вы не замечаете и не цените мое творчество, я нанесу его туда, где вы точно заметите»*. Теперь же я считаю татуировки продолжением своего художественного начала.

Мои плечи напрягаются при неразборчивом звуке голоса Хантера. За ним следует еще один взрыв смеха Саммер. Похоже, они продолжают с того места, где остановились.

8

Саммер

В итоге все вышло не так уж плохо. Мне удалось по-дружески пообщаться с Фитцем и даже не разбить его тупое лицо. Я заслужила награду! Хотя нет, испытание все же провалила: я возбудилась, увидев его.

Ненавижу тот факт, что меня до сих пор к нему тянет, даже после всех обидных слов, которые он наговорил.

Стук в дверь прерывает размышления, которые могли бы продолжаться часами. Хантер неторопливо входит в комнату и располагается своим поджарым, мускулистым телом на моей кровати.

– Мне нужно вздремнуть.

– Конечно, почувствуй себя как дома. – Мои губы кривятся в ироничной улыбке.

– О, спасибо, Блондиночка, – он подмигивает и устраивается поудобнее, вытянувшись во весь рост и закинув руки за голову.

М-м-м, пожалуйста, поиграй мускулами. У Хантера невероятные руки. Он переоделся в белую майку без рукавов, которая открывает вид на его твердые бицепсы и широкие плечи. А спортивные штаны сидят достаточно низко на бедрах, чтобы я оценила его правильно сложенный загорелый

лый торс. Это не менее соблазнительно, чем игра мускулов.

Хантер прекрасно знает, что выглядит сексуально. Он ухмыляется, когда перехватывает мой изучающий взгляд.

Ох, эти губы. До сих пор помню их вкус. Он хорошо целовался: не слишком грубо, не слишком жадно, в меру используя язык.

Интересно, как Фитци целуется.

«Как придурок, Саммер», – уверенно сообщает внутренний голос в образе Селены Гомес.

Точно. Потому что он идиот.

– Зачем пришел, Хантер? – спрашиваю я, оперевшись бедром в стол.

– Решил, что следует серьезно поговорить.

– Отличная идея, – уныло вздыхаю. – Ок. Тогда начнем. Мальчики вперед, – с любезным жестом предлагаю я.

– Трусиха, – фыркает парень.

– Честно? – со смехом усаживаюсь на край стола. – Я даже не знаю, что сказать. Мы поцеловались, и что с того?

Темный взгляд Хантера прикован к голым ногам, которыми от нечего делать я болтаю в воздухе. В глазах загораются искорки, потому что это зрелище ему явно по вкусу. Он немного напоминает мне Логана, друга Дина, и не только из-за схожего темного цвета волос и крепкого телосложения. Логан излучает сексуальную энергию. Не знаю, как это описать, но в нем есть нечто необузданное и порочное. От Хантера исходят такие же флюиды, и я не могу отрицать их влия-

ание на меня.

Но не стоит заходить дальше только из-за того, что нас тянет друг к другу.

– Я помню, мы переписывались несколько раз после той ночи, но у меня осталось ощущение недосказанности. Ты так и не объяснила, что... – Неожиданно он умолкает.

– Не объяснила что? – Я задумчиво морщу лоб.

Хантер садится и проводит рукой по волосам. С тех пор, как мы виделись в последний раз, он подстригся, но длины хватает, чтобы запустить пальцы в его шевелюру.

– Я хотел спросить, что все это значит. – Он смотрит на меня с нескрываемым ужасом. – Ох, я стал хуже тех девчонков, от которых шарахался.

– Милый, все в порядке. – Я еле сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться. – Многие мужчины придают слишком большое значение новогодним поцелуям.

Посылаю ему многозначительный взгляд.

– Не сыпь мне соль на рану, Блондиночка, – стонет Хантер.

– Прости, но я должна сказать. Тем вечером ты был таким самоуверенным, словно любая девушка после одного поцелуя в полночь тут же захочет от тебя детей. – Я показываю ему язык. – Ну и кто теперь хочет от меня детей? Ты!

Его плечи подрагивают от смеха.

– Роли поменялись, – нараспев произношу я и спрыгиваю со стола.

Хантер тоже вскакивает на ноги. Он выше ростом, чем мне казалось: 182 сантиметра или выше, как и Фитц, хотя, пожалуй, большинство хоккеистов высокие. Впрочем, в команде Брайара есть парень, чей рост составляет около 175 сантиметров. По-моему, его зовут Уилкинс. Однажды я слышала, как Дин восхищался его силой при таком росте.

– Не волнуйся, – говорит Хантер, – о детях я пока не думаю.

– Да? А о чем тогда?

Он не отвечает, скользя томным взглядом от лица вниз к груди и обратно. На мне нет бюстгалтера. Он это определенно заметил. А я, в свой черед, не упустила из внимания, что его спортивные штаны стали топорщиться в области паха чуть больше, чем пару минут назад.

Поняв, на что я обратила внимание, он прочищает горло и слегка меняет положение тела.

– Ты же не станешь все усложнять? – вздыхаю я.

– Поясни, что ты понимаешь под «усложнять». – На его точеных скулах появляются две очаровательные ямочки.

– Ну не знаю. Испытывать неловкость? Ходить вокруг меня на цыпочках?

– Похоже, что я планирую все это проделывать? – размеренно отвечает он, делая ко мне еще один шаг.

Мое сердцебиение учащается. Проклятье, он такой соблазнительный.

– Хорошо. Значит, начнешь вести себя как влюбленный?

Посвящать мне стихи и готовить завтрак?

– В поэзии я не силен. И ни хрена не умею готовить. – Он придвигается еще ближе, пока между нашими лицами не остается всего несколько дюймов. – Но буду счастлив сделать тебе кофе с утра.

– Я не пью кофе, – заявляю самодовольно.

Он усмехается, отчего на щеках снова видны ямочки.

– Похоже, без боя ты не сдашься, да?

– Сдамся? – вкрадчиво повторяю я. – И как именно?

В раздумьях Хантер ненадолго склоняет голову.

– Пока не знаю, – он шепчет признание мне в ухо, его дыхание щекочет кожу. – Но мне не терпится это выяснить.

Кончиками пальцев Хантер, едва касаясь, проводит по моей голой руке, а в следующую секунду уже выскальзывает за дверь.

* * *

Мой нынешний район проживания – это просто обитель молчания по сравнению с особняком Каппа в отделении Браун. В час ночи за окном спальни разве что изредка застрекочет сверчок. Ни рева двигателей, ни музыки, ни воплей пьяных девушек из женской общины или громкоголосых парней из братства, подначивающих друг друга во время буйной иг-

ры в пиво-понг¹⁶.

Должна признать, это беспокоит. Я не люблю тишину, она заставляет мозги кипеть. Поднимает на поверхность мысли, которые ты прятал поглубже весь день, или страхи, которые должны были пройти сами собой, или тайны, которые ты пытался сохранить.

Не люблю копаться в своей голове. Там, как правило, творится настоящий кавардак из чувства незащищенности, смешанной с неуверенностью и приступами самокритики, и все это приправлено необоснованной самонадеянностью. Хреновое это место, мой мозг.

Я переворачиваюсь и издаю стон в подушку. Приглушенный тканью звук похож на выстрел в до жути тихой комнате. Не могу уснуть. Ворочаюсь с боку на бок с половины двенадцатого, и это уже начинает бесить. Я прекрасно спала, когда парни были в Вермонте. Не понимаю, почему их присутствие должно что-то менять.

Пытаться заставить себя уснуть бессмысленно, поэтому откидываю одеяло и выбираюсь из кровати. Пойду найду что-нибудь поесть. Может, переполненный желудок поможет мне отключиться.

Я сплю только в трусиках, поэтому, чтобы выйти в пристойном облике, хватаю первую попавшуюся белую футбол-

¹⁶ Игра с алкоголем, в которой игроки бросают мяч для пинг-понга через стол, стремясь попасть им в кружку или стакан с пивом, стоящий на другом конце этого стола.

ку, которая доходит до бедра, но и она настолько тонкая, что просвечиваются соски. Натягиваю ее, уверенная, что соседи вряд ли проснутся и увидят меня. Хантер сказал, что к шести утра им надо на тренировку.

Но я не права. Один сосед очень даже бодрствует.

Столкнувшись на кухне лицом к лицу, мы с Фитци оба вскрикиваем от испуга.

– Черт! – восклицаю я. – Ты меня напугал.

– Прости. Взаимно. – Он сидит за столом, положив на соседний стул длинные ноги, и держит на коленях блокнот.

Ох, и у него нет рубашки.

То есть, на нем нет рубашки.

Я даже не могу...

Пытаюсь оторвать взгляд от его обнаженной груди, но слишком поздно. В голове уже запечатлелись все подробности. Татуировки, полностью покрывающие его руки. Узор черной краски, который тянется вдоль ключицы до накачанной груди. Его пресс настолько рельефный, что кажется нарисованным. Как и Хантер, он весь мускулистый и поджарый, но если созерцание груди Хантера вызывало восхищение и трепет, то вид Фитца пробуждает во мне сладкую дрожь и желание ощутить его внутри себя.

Хочу прижаться к нему губами. Обвести языком каждую линию и изгиб его татуировок. Выхватить у него блокнот и отшвырнуть в сторону, чтобы самой занять место на его коленях. И желательно, чтобы наши губы соприкасались поце-

луем, а в моей руке покоился его член.

Помоги мне бог.

Это необъяснимо. Фитц совсем не в моем вкусе. Будучи окруженной однокашниками, я предпочитала их типаж: рубашки поло, гладковыбритые лица и ослепительные улыбки. Никаких татуировок и щетины.

– Не можешь уснуть? – равнодушно интересуется он.

– Нет, – признаюсь я, открываю холодильник и изучаю содержимое в поисках чего-нибудь съестного. – А ты?

– Должен был лечь еще час назад, но хочу закончить рисунок, завтра на это не будет времени.

Я останавливаю выбор на йогурте с мюсли и бросаю на Фитца взгляд, когда поворачиваюсь за чашкой.

– А что ты рисуешь?

– Кое-что для видеоигры, над которой работаю. – Он захлопывает блокнот, хотя я даже не делала попыток подсмотреть.

– Понятно. Дин говорил, что ты увлекаешься играми. Я думала, ты просто пишешь обзоры. А ты их еще и создаешь?

– Оформил пока только одну. Сейчас работаю над второй, – расплывчато поясняет он.

Очевидно, Фитц не хочет обсуждать эту тему, поэтому я пожимаю плечами и говорю:

– Круто. Звучит интересно. – И усаживаюсь у стойки, снимая крышечку с йогурта.

На кухне воцаряется тишина. Смотрю на Фитца, пока ем,

а он, в свою очередь, наблюдает за моими действиями. Ситуация одновременно и неудобная, и комфортная. Пойди разберись.

На языке так и вертится куча вопросов, в основном, о новогодней ночи.

Неужели ты ни капельки не был влюблен в меня тем вечером? Я всего лишь вообразила исходящие флюиды? Ты правда веришь во все дерьмовые вещи, которые обо мне говорил?

Ни один из этих вопросов я не задаю вслух, не хочу показаться ранимой. Ему нельзя знать, как сильно меня задело его осуждение. Пусть сам почувствует себя ужом на сковороде.

– Вам же нельзя кататься на лыжах.

– Да, нельзя, – быстро выдыхает Фитц.

– Так почему поехали?

– Потому что идиоты.

Улыбаюсь и тут же начинаю злиться на себя за такую реакцию на его слова.

– Тренер придет в ярость, если узнает, да и другие парни тоже. С нашей стороны это действительно хреновый поступок, – грубо бросает он. – Так что давай оставим все между нами, ладно?

Э-э-э...

– Слишком поздно. – Я в смущении поднимаю на него взгляд.

– В смысле? – более резким тоном спрашивает Фитц.

– Сегодня я случайно подружилась с дочерью тренера. И нечаянно проговорила, что вы поехали кататься на лыжах.

Он смотрит на меня широко распахнутыми глазами.

– Черт возьми, Саммер.

– Эй, Холлис не предупредил по телефону, что надо держать все в секрете, – торопливо защищаюсь я.

Фитц несколько раз трясет головой.

– Как можно случайно с кем-то подружиться? – шипит он. – И с чего вдруг вы вообще стали обсуждать это? Бренна упоминала, собирается ли выдать нас тренеру?

– Она обещала, что не станет.

Он выругался себе под нос.

– Это еще не гарантия. Бренна становится непредсказуемой, когда сердится. Никогда не знаешь, что ляпнет.

– Она ничего не выдаст, – уверяю я его. – Говорю же, мы теперь лучшие подруги.

Фитц кривит губы, словно пытается не засмеяться.

– Завтра я иду с ней на вашу игру с Гарвардом, – добавляю я.

– Да?

– Ага. – Расправившись с йогуртом, я иду к раковине, чтобы помыть ложку. – Она классная. Мы ладили.

Слышно, как Фитц вздыхает. Громко.

– И что это значит? – оглядываюсь я через плечо.

– Это значит, что я предвижу кучу неприятностей, в которые вы с Бренной попадете. Вот увидишь, вдвоем вы будете

той еще парочкой.

– Вполне возможно. – Я не могу удержаться от смеха.

– Очень даже возможно, – снова вздыхает он. – Я отчетливо это вижу.

Ухмыляясь, я закрываю кран и ставлю чистую чашку на сушку. Внутри все переворачивается, когда за спиной возникает Фитци.

– Прости, мне нужен стакан, – бормочет он. Длинная рука тянется к кухонному шкафчику совсем близко от моей щеки.

Мужской, древесный, с оттенком цитрусовых аромат щекочет мне ноздри. Как же хорошо он пахнет!

Вытираю руки о кухонное полотенце и поворачиваюсь к парню лицом. Его дыхание ненадолго замирает, взгляд темных глаз скользит по моей груди, перед тем как быстро переместиться на стакан в его руке.

Ах, да. Моя футболка просвечивает. А из-за холодной воды, в которой минуту назад побывали руки, соски превратились в маленькие твердые бутоны. Ну, из-за воды они *изначально* напряглись. Теперь они торчат под майкой совсем по иной причине. И имя ей Колин Фитцджеральд. Его обнаженная грудь так близко, что я могу дотронуться до нее. Или лизнуть.

Похоже, я вляпалась. Он все еще нравится мне, даже *слишком*. Нельзя вожделеть того, кто испытывает к тебе столько негативных эмоций.

Делаю вдох ртом, чтобы не чувствовать его мужского аро-

мата, и отскакиваю от стойки. Взглядом ищу любой повод отвлечься от крепкой, мускулистой, притягательной груди парня. Натыкаюсь на толстый роман в мягкой обложке, пристроившийся рядом с карандашами, оставленными на столе.

– О! – восклицаю чересчур громко и тут же понижаю голос, чтобы не разбудить Хантера и Холлиса. – Мне нравится эта серия.

Беру книгу в руки и переворачиваю, чтобы проглядеть аннотацию.

– Ты только начал или перечитываешь?

Не услышав ответа, оборачиваюсь и замечаю скептическое выражение, промелькнувшее на лице Фитци.

– Ты читала серию «*Переменчивые ветры*»?

– Только первые три книги. Четвертую еще не успела. – В моих руках томик толщиной больше тысячи страниц. – Говорят, эта история даже длиннее, чем предыдущие.

– «*Кровь дракона*»? Да, в два раза длиннее, – рассеянно отвечает он. И все еще смотрит на меня с сомнением. – Не могу поверить, что ты читала эти книги.

– Почему? – Обиженно поджимаю губы.

– Просто это не легкое чтение и... – Он неловко умолкает. На догадку уходит секунда.

Не то чтобы он не верит, что я прочла эти книги.

Просто он *не верит, что я способна их прочесть*.

Возмущение вскипает в груди и волной горячей лавы подкатывает к горлу. Действительно, с чего бы ему поверить?

Он считает меня *поверхностной*. Глупые девушки из женской общины не в силах усвоить такой длинный, сложный материал! Черт, он, наверное, и неграмотной меня считает.

– Я, мать твою, умею читать, – я практически рычу.

– Что? – вздрагивает он. – Я не говорил...

– И отсутствие по всему телу татуировок в виде драконов, фей и эльфов, еще не означает, что мне не позволено читать фэнтези...

– Не позволено? Я не говорил...

– ...насколько бы *сложными* книги ни были, – заканчиваю я с мрачным видом. – Но было полезно узнать твое мнение на этот счет.

С натянутой улыбкой я бросаю книгу на стол. Громко.

– Спокойной ночи, Фитц. Постарайся не засиживаться допоздна.

– Саммер...

Прежде чем он успевает что-то добавить, я вылетаю из кухни.

9

Фитц

На тренировках перед игрой нас обычно не выматывают до полной потери сил, но сегодня утром тренеру захотелось отработать приемы передачи, которые, по его мнению, помогут вечером. В этом году команда Гарварда действительно опасный противник. У них есть все шансы так и остаться ни разу не проигравшими в этом сезоне. Я никогда не признаюсь вслух, но в глубине души считаю, что они сильнее нас.

Тренер, должно быть, со мной солидарен, потому что гоняет нас сильнее, чем обычно. Я весь вспотел к тому времени, как откатал свое. Волосы прилипли ко лбу, и, могу поклясться, из-под шлема валит пар совсем как в мультфильмах.

– Хорошая работа, Колин, – тренер подбадривающе хлопает меня по плечу.

– Спасибо, тренер.

– Дэвенпорт, – обращается он к Хантеру. – Покажи мне вечером такую же беспощадность, сынок. Бей прямо *сквозь* Йоханссона, а не по сторонам от него. Смекаешь?

– Понял, тренер.

В нашем распоряжении полчаса, чтобы принять душ и переодеться перед обязательным собранием в кинозале для

просмотра записи игры. Мы встречаемся с Гарвардом в первой из двух запланированных в сезоне игр и хотим сразу заявить о себе. К тому же, это выездная встреча, будет очень сложно, но тем слаще может стать победа.

В раздевалке сдираю с себя пропитанную потом тренировочную форму и ныряю под струи воды в душ. Кабинки разделены перегородками, но двери закрывают лишь нижнюю часть проема и распахиваются в обе стороны. Моясь, мы не видим причиндалы друг друга, но грудь – пожалуйста. Войдя в кабинку рядом с Холлисом, открываю холодную воду и засовываю голову под струю. Могу поклясться, я все еще потею даже под душем.

– Неужели мы так и не отметим тот факт, что Майк побрил грудь? – требовательно интересуется Дэйв Келвин, младший защитник.

Смех эхом отражается от звукоизолирующей плитки. Бросаю взгляд на Холлиса и вопросительно приподнимаю бровь. Бок о бок мы принимали душ, тренировались и плавали достаточно, чтобы я привык видеть поросль на его груди. Теперь же она гладкая, как попка младенца.

– Эпиляция на дому или в салоне? – усмехается Нейт Родс, нынешний капитан нашей команды.

– Дома. – Холлис закатывает глаза в сторону рослого капитана. – Зачем мне платить кому-то за то, что могу сделать сам? Это глупо.

Он оборачивается вокруг себя, чтобы махнуть рукой на

Келвина:

– А ты? Слезай уже с коня из слоновой кости, чувак...

– Из слоновой кости была башня, – подсказываю я.

– Да плевать. Всем известно, что ты сам эпилируешь грудь и спину, Келвин. Лицемерный убудок.

С фырканием я намыливаюсь. Тело наконец-то начинает остывать.

– Я не эпилирую спину! – протестует Келвин.

– А вот и нет. Никки Орсен сдала тебя, сукин сын с волосатой спиной.

Никки – правый полузащитник в женской команде Брайара. Она отличный игрок, классная девчонка, но ужасное трепло. Ей нельзя доверять никаких секретов.

– Я убью ее. – Келвин краснеет под громкое улюлюканье Нейта и еще пары старших игроков.

– Да расслабься, принцесса, – лениво растягивает слова Хантер. – Каждый чувак из Instagram эпилирует себе что-нибудь.

– И что? – говорит Холлис. – В удалении лишних волос нет ничего позорного.

– Мы все тебя понимаем, – торжественно соглашается Нейт.

– Точно. Мы все. Все собравшиеся удаляют лишние волосы... или, по крайней мере, должны, черт возьми, если считают себя сраными *джентльменами*, – ворчит Холлис.

Проглотив усмешку, я кладу мыло обратно в лоток и на-

чинаю ополаскиваться.

– А если серьезно, брат, ради чего смена имиджа? – встречает Мэтт Андерсон. Как и Келвин, он младший защитник. В прошлом году они оба играли из рук вон плохо. Новый тренер по игре в обороне, Фрэнк О’Ши, на протяжении всего сезона бился над ними и привел в форму.

– У меня сегодня свидание после игры, – признается Холлис.

– И что, цыпочка имеет что-то против волос на теле?

– Она их ненавидит. Однажды она проглотила лобковый волос, это вызвало рвотный рефлекс, поэтому ее вывернуло прямо на член парня. А затем он начал блевать, потому что ему дурно от вида рвоты, и сразу после этого они расстались.

Одно очень долгое мгновение в огромном помещении слышится лишь звук льющейся воды. Затем кучка голозадых парней начинает рыдать от смеха.

– О, мать мою, это лучшее, что я когда-либо слышал, – стонет Хантер.

– Она сама все это рассказала? – Я не могу понять, то ли от слез, то ли от текущей по лицу воды, но передо мной вместо одного капитана команды появляются двое.

– Сказала, что даже не подумает заняться любовью, если заметит у парня волосы на теле: на груди, на руках, на ногах... – Холлис пожимает плечами.

– Ты и руки с ногами побрил тоже? – издает вопль Нейт. Хантер хохочет все громче.

– Все женщины – чокнутые, – ворчит Келвин.

Он прав. У женщин в голове полный бардак. В смысле, прошлым вечером Саммер разозлилась, потому что меня удивила прочитанная ею книга *«Переменчивые ветры»*.

Неужели восприняла, словно я думаю, что она не умеет читать?

Серьезно?

Хотя... Можно понять, почему она так болезненно отреагировала. Было похоже, будто я намекаю, что ей не хватит мозгов осилить книжную серию или она врет, что читает книги.

Но так вышло нечаянно. Эти книги действительно сложны для восприятия. Проклятье, да я едва их осилил, а ведь годами читал фэнтези запоем.

Если бы Саммер дала возможность ответить, я бы все объяснил. И извинился. Но, как я и подозревал, она любит сгущать краски. Девять жалких слов могли бы все прояснить. *«Мне жаль, я не это имел в виду, прости»*, – если бы она позволила это сказать, а не топала вместо этого ногами, как пятилетка.

Хватаю полотенце и наспех оборачиваю его вокруг бедер. *Позерка*. Меня не интересовали, не интересуют и не будут интересовать такие.

Почему же ее обиженное лицо стоит перед глазами?

Первоклассный хоккейный спорткомплекс Брайара – роскошный дворец. В нем есть суперсовременное оборудование, хорошо проветриваемые раздевалки, потрясающие душевые, комната отдыха, кухня, физиотерапевтические кабинеты, джакузи, – все, что только можно пожелать. Особенно удобен кинозал: здесь три полукруглых ряда столов и огромные мягкие кресла. На самой галерке у тренеров установлен AV-ресивер¹⁷, аналогичный тем, которые используют спортивные дикторы для ноутбуков и видеомониторов. На нем можно писать: тренеры отмечают яркие моменты или обводят в кружок игроков, их каракули видны и на большом экране.

– Привет. – Я плюхаюсь в кресло рядом с вратарем Патриком Корсеном.

– Привет. – Он смотрит на экран, где застыло изображение ледовой арены Гарварда. Похоже, это запись с прошлой недели, когда была встреча хозяев поля с «Бостон Колледж». Последним тогда здорово досталось.

Мы, безусловно, должны победить Гарвард. В прошлом году они были для нас легким противником в дивизионе, потому что подготовка в Брайаре всегда считалась лучше.

¹⁷ Многоканальный усилитель, который принимает и преобразовывает звуковые, видео- и радиосигналы от разных источников.

Но сейчас они в ударе, состав команды пополнился большим числом талантливых игроков. После выпуска у младших курсов, остававшихся раньше в тени, появилось больше игрового времени, каждый старается произвести впечатление. Гарвард больше не полагается исключительно на мастерство капитана команды, как в прошлом году. Джейк Коннелли чертовски хорош, но он не может тащить всех на себе.

– Линия Коннелли очень быстрая, – хмуро говорит Корсен.

– Наша быстрее, – заверяю я, подразумевая себя, Хантера и Нейта.

– Допустим. Но их вторая и третья линии тоже быстрые. Ты можешь сказать то же самое о наших? – Он понижает голос. – Плюс у них лучше защитники. Видел тех двух второкурсников? Не помню их имен, но они отлично отражают атаки, выводят Йоханссона из-под удара.

Йоханссон – вратарь команды Гарварда, и он великолепен. Честно говоря, Корсен волнуется не зря.

– Келвин и Бродовски не такие сильные, – бормочет он.

– Да, – соглашаюсь я. – Но Мэтти хорош.

Кивком головы указываю на Андерсона, который набирает в телефоне сообщение. Как и парни из Гарварда, Мэтт пошел в гору после выпуска Дина и Логана. Сейчас он лучший бомбардир среди защитников и один из наших лучших игроков меньшинства¹⁸. К тому же единственный чернокожий

¹⁸ Хоккеист, который сводит к минимуму шансы соперников забить гол, пока

игрок, чем дьявольски гордится. В этом году он участвует в драфте¹⁹ и намерен оставить свой след в истории лиги профессионалов, где пока преобладают белые.

– Правда. Мэтти просто клад, – уступает Корсен, но все равно выглядит несчастным.

Я понимаю причины его волнения. Он подписал контракт с командой Лос-Анджелеса на следующий сезон и не хочет заранее перед ними обосраться, иначе в лучшем случае ему будет светить лишь место на скамейке запасных. Именно в таком положении сейчас оказался Логан, который играет за «Провиденс Брюинз»²⁰ и развивает свои навыки. Не все похожи на Гарретта Грэма, прирожденную суперзвезду. И не каждый игрок университетской команды сразу готов к профессиональной лиге.

– Начинаем. – Тренер входит в комнату и хлопает в ладоши.

Он говорит своим обычным голосом, но все сразу обращают на него внимание, словно он орет как сержант-инструктор. Дженсен из той породы людей, которые просто внушают уважение. Он немногословен, если говорит, то всегда по делу.

– Хорошенько присмотритесь к этому парню, – приказыва-

они играют в численном большинстве.

¹⁹ Ежегодный набор в клубы Национальной хоккейной лиги молодых игроков из североамериканских и европейских команд.

²⁰ Профессиональный хоккейный клуб, выступающий в АХЛ.

вает он, нажимает кнопку «*воспроизведение*», и картинка на экране оживает.

Игрок под номером 33 пронесится через синюю линию²¹. Тренер ставит кадр на паузу, рисует на планшете, и ярко-красный круг превращает игрока в некую мишень.

– Левый младший нападающий, – бросает он, – Брукс Уэстон.

– Громила, – комментирует второкурсник.

– Ну и что? – вставляет Холлис. – У нас есть свои громилы. Мы можем его одолеть.

– Он не просто вышибала, – сообщает нам тренер Дженсен, – но и чертов подстрекатель и вселенское зло.

Мы хихикаем.

– Этот кусок уroda обладает сверхчеловеческой способностью совершать нарушение за нарушением и при этом не получать штрафы. Зато очень, очень искусно подставляет под штраф других. Специализируется на разжигании драки, но сам выходит сухим из воды, а его противник получает вывод из игры на пять минут или даже удаление до конца матча.

По комнате пронесится гул всеобщего неодобрения, хотя каждый из нас так или иначе когда-либо пытался заставить соперника что-то нарушить. Однако некоторые в качестве личной стратегии делают это намеренно. Тренер Дженсен такого не одобряет. Будь его воля, национальная ассоциация студенческого спорта заняла бы более строгую позицию

²¹ Часть разметки на хоккейной площадке.

в отношении штрафов в игре.

– Неважно, какой грязью станет поливать вас этот парень, вы не должны поддаваться на провокацию. Понятно? – Тренер припечатал к месту убийственным взглядом каждого из нас.

– Я не боюсь какого-то богатенького сквернослова, – заявляет Келвин.

– Откуда ты знаешь, что он богатый? – изумляется Хантер.

– У него первое из имен совпадает с последним. Обычно это означает, что родители назвали его так в честь двух де-дов-толстосумов.

– У меня тоже первое из имен совпадает с последним, – отмечает Хантер.

– Ага, и ты толстосум! – подхватывает Холлис, фыркая от смеха. – Черт, ты, наверное, хорошо знаешь этого Уэсли Брука.

– Брукса Уэстона, – поправляет его кто-то.

– Я правда знаком с ним, – соглашается Хантер, чем вызывает очередной взрыв смеха у Холлиса. – Мы оба играли за команду Розлона. Он на пару лет старше меня.

– Эти ребята из Розлона – тот еще геморрой, – кивает тренер.

– Я же буквально *только что* сказал, что тоже учился в Розлоне, – протестует Хантер.

– И я повторю: эти ребята из Розлона – тот еще геморрой. Хантер вздыхает.

Следующие пятнадцать минут мы проводим за анализом первого периода игры Гарварда и «Бостон Колледж». Тренер прав. Уэстон Брукс или Брукс Уэстон, или как там его на хрен зовут, – это одна сплошная неприятность. Он дьявольски агрессивен, при опасной игре высоко поднятой клюшкой отделяется тремя штрафными минутами и практически провоцирует драку перед финальным гудком. Уэстон умудряется дразнить соперника несколькими безобидными толчками, но когда игрок «Бостон Колледж» уже готов ударить, товарищ по команде оттаскивает его. Уэстон хохочет ему в спину.

Он уже мне не нравится.

Когда начинается второй период, Гарвард ведет со счетом два-ноль.

– Мне только кажется, или в этом году у Коннелли бросок с дальней дистанции выглядит намного смертоноснее? – осторожно интересуется Келвин, не отрывая глаз от экрана.

– Нет, не кажется, – подтверждает тренер. – И к тому же он стал еще быстрее. Забивал в результате каждой атаки, которую проводил в сезоне. Не позволяйте ему бить по воротам. Понятно?

Раздается многоголосное: «Да, сэр».

В ту же секунду на видео начинается вышеупомянутая атака. Коннелли уверенно сносит с пути четырех противников, включая двух защитников, которые словно не понимают, как тут оказались. Это смахивает на старый сериал из 90-

х, который я запоем смотрел в прошлом году. В нем главный герой путешествует во времени и переселяется в тела случайных людей, чтобы изменить историю. Чувак тратил первые пять минут каждого эпизода на выяснение того, где он и кем оказался. Такой же эффект у защитников вызывает Коннелли. Они в замешательстве вертят головами туда-сюда, словно только оказались на льду посреди хоккейного матча. К тому времени, как они понимают, что происходит, Коннелли проносится мимо и наносит удар. Шайба с точностью попадает в левый верхний угол ворот, словно птица скопа, ныряющая в океан за добычей. Вратарь не может скрыть разочарования, когда лампа позади него загорается. На этом кадре тренер ставит видео на паузу.

– Прекрасный удар, – неохотно произносит Нейт.

– Да, – соглашается тренер, – и сегодня вечером такие удары я хочу видеть только от нашей команды. Уяснили?

– Да, – отвечают все.

Мы вникаем в разбор остальной части записи. Когда тренер указывает на проколы со стороны команды Гарварда, мы ловим каждое слово. Если хотим надрать им задницы сегодня, придется использовать все их слабости.

10

Саммер

– Ты можешь поверить, что он это сказал? – Прошел уже целый день с тех пор, как мы с Фитцем столкнулись на кухне, а я все еще киплю.

– Да, могу, – раздраженно отвечает Бренна. – Я поверила в это, когда ты рассказала в первый раз, и во второй, и даже сейчас, в третий, все так же, черт возьми, верю, поэтому не могла бы ты, ради всего святого, просто забыть эту историю?

– Никогда, – заявляю я.

– Господи, ты слишком упрямая. – Она издает звук, похожий на стон и смех одновременно. – Ты всегда такая?

– Ага. Не стану спорить. – Я скрещиваю руки на груди. – Но никогда не соглашусь с тем, кто считает меня безграмотной. Потому что я умею читать!

Бренна возводит глаза к потолку, словно просит небеса о помощи. А, может, она медитирует, хотя это довольно сложно сделать на переполненном стадионе. К тому же, нужно оставаться начеку: мы опоздали и попали в секцию, забитую до отказа болельщиками за команду Гарварда. Одетые в черно-серебряные цвета команды, мы выделяемся на фоне обилия малинового.

Цвета Брайара носит множество других фанатов, но все

они собрались на противоположном конце стадиона. К счастью, мы не надели свитера с именами игроков Брайара, хотя Бренна дразнила меня вчера этой идеей. На нас и так косятся со всех сторон за то, что мы не в цветах «Гарвард Кримсон»²².

– Саммер, дорогая, он не обвинял тебя в неграмотности, – произносит Бренна раздраженным тоном воспитателя, обучающего дошколят работе с акварелью.

– Он намекнул, что мне мозгов не хватит осилить «*Переменчивые ветры*».

– Да никто их не осилит! – рычит она. – Ты действительно считаешь, что все фанаты серии на самом деле читали те проклятые книги? А вот и нет! Потому что там, черт возьми, пять тысяч страниц! Однажды я попыталась прочесть первую книгу. Долбанный автор целых девять страниц описывал дерево. *Девять страниц!* Эти книги – отстой. Полнейший.

Бренна выдыхается. Заметив, что я беззвучно смеюсь, она улыбается в ответ.

– В моем исполнении ты прослушала образовательную лекцию о серии «Переменчивые ветры», – любезным тоном сообщает она. – Не стоит благодарности.

Мое хорошее настроение длится недолго.

– Он держался так высокомерно, Бренна.

²² Общее название сборных спортивных команд, представляющих Гарвардский университет (США).

– Правда? – настороженным тоном уточняет она. – Или ты просто слишком остро воспринимаешь все его слова, потому что чуть раньше он назвал тебя поверхностной?

Закусываю нижнюю губу. Она права. В последнее время я постоянно на нервах, особенно если дело касается Фитца. Я пытаюсь представить себя его глазами, и картинка выходит удручающая. Передо мной взбалмошная блондинка, которую выгнали из одного женского общества и не приняли в другое, она на испытательном сроке. Отцу пришлось просить знакомых об одолжении, чтобы пристроить ее в университет, а брату подключать друга, чтобы найти ей крышу над головой. Это неудачница.

С тяжелым сердцем я рассказываю это Бренне, но рев толпы заглушает ответ.

На протяжении разговора она не отрывает взгляда от ледовой арены, вдруг вскакивает на ноги.

– Судью на мыло! – кричит она. – Это была подножка!

Группа парней, сидящих за нами несколькими рядами выше, начинает высмеивать ее протест.

– Эй, кто виноват, что ваши дерьмовые игроки не могут держаться на коньках, не спотыкаясь о собственные ноги? – глумится один из них.

– Ах, ты нарываешься? – Она разворачивается к парням, и я давлюсь смехом.

Бренна снова одета во все черное, если не брать во внимание серебристо-серый шарф и красную помаду, ставшую

ее фирменной фишкой. С распушенными темными волосами и горящими глазами она выглядит настоящей бунтаркой. В чем-то она напоминает Галь Гадот, сыгравшую Чудо-Женщину. К слову, Бренна и саму Чудо-Женщину напоминает тоже. Она великолепна. До ее противников наконец-то доходит, кого они подкалывали.

– Единственная дерьмовая вещь, которую я вижу, это большая свалка, которую ваш вратарь устроил на льду, – пускает она ответную шпильку.

Фыркнув, я начинаю смеяться.

– Взгляните на табло, придурки, и скажите мне, что видите, – воркует Бренна, указывая на экраны, размещенные над центром арены. Прекрасно виден счет: Брайар – 1, Гарвард – 0.

Никто из парней туда не смотрит.

– Следи за языком, – огрызается один из них.

– Сам следи, – рывкает девушка в ответ.

– Ваши парни ведут себя как бабы, – насмехается он. – Стоят и просят защиты, вместо того, чтобы реагировать по-мужски. *«О, не-е-ет, злой дядя подставил мне подножку!»*

Его приятели взрываются хохотом.

– Не вынуждай подняться к тебе, – предупреждает Бренна, уперев руки в бока.

– Не искушай. Я не дерусь с девчонками, но ради тебя мог бы сделать исключение.

– Я тоже не быю мужчин, – сладеньким тоном произносит

она. – Но, к счастью, таковых вокруг не вижу. А ты?

– Ах ты, сука...

Дергаю Бренну за руку и заставляю ее сесть обратно.

– Остынь, – приказываю я, остро ощущая направленные на нас со всех сторон убийственные взгляды.

– Кучка придурков, – ворчит она, – а судья – козел! Андерсону точно сделали подножку. За это положен штраф.

– Ну, его же не назначили. А нас вот-вот или избыют, или вышвырнут отсюда. Так что давай забудем, ладно?

– Забудем, да? Почему бы *тебе самой* не последовать своему совету вместо того, чтобы заикливаться на кое-каких безобидных словах?

Стискиваю зубы.

– Прости, если я обеспокоена, что один из соседей считает меня всего лишь пустышкой из женского общества.

– А знаешь, кого еще считали пустышкой из женского общества? – с вызовом бросает она. – Эль Вудс. И знаешь, что она сделала? Поступила на юридический и показала всем, какая она умная, стала адвокатом. Все ее полюбили, даже мерзкий бывший пытался ее вернуть, а она его послала. Конеч.

Я вынуждена улыбнуться, хотя пересказ «*Блондинки в законе*» не совсем подходит: мне не поступить на юридический, даже несмотря на то, что вся семья училась там. Ну, кроме Дина. Он пошел своим путем, в последнюю минуту решив бросить юридический, потому что хочет стать трене-

ром по хоккею и работать с детьми. Если бы мои родители были унылыми богатыми снобами, они бы, без сомнения, ужаснулись, что Дин Хейворд-Ди Лаурентис стал учителем физкультуры. К счастью, они потрясающие и всегда готовы поддержать, а Дин проторил дорожку, чтобы и я получила возможность выбрать свой путь, как только решу, чем хочу заниматься. Я люблю моду, но не знаю, хочу ли стать модельером, да и мерчандайзинг одежды не особо интересует. Разумнее будет посмотреть, как сложится дальнейшее обучение в университете, прежде чем принимать какие-то решения. И на последнем курсе нас ожидает трудовая практика, которая еще лучше поможет разобраться, что мне нравится, а что – нет.

– Неважно, какой тебя видят другие, – подводит итог Бренна, – важно, какой себя видишь ты...

Она внезапно замолкает, а затем взрывается неудержимым потоком проклятий, так как Гарвард уравнил счет.

– Ну что, получили?! – кричит ее новый злейший враг.

– Сейчас ты у меня получишь, – огрызается она, но голос звучит рассеянно, потому что ее внимание все еще приковано к игре. Глаза на миг наполняются восхищением, а затем сердито прищуриваются. – Тьфу. Коннелли. Почему он летает как молния?

– Это плохо?

– Да, если он играет не за нас.

– О, упс... – По-видимому, мне нужно лучше изучить со-

став команды Брайара. Я знаю только Фитца, Хантера, Холлиса и еще пару других игроков, с которыми познакомилась в Бруклине на новогодней вечеринке. – Выходит, он – враг?

– И еще какой. Он опасен. Столкнешься с ним один на один – проиграешь, а уж тем более если он атакует. – Она указывает на ту сторону арены, где находится команда Брайара. – И этот придурок, который сшиб Холлиса за воротами. Уэстон. Он нам тоже не нравится.

– В школе я училась с парнем по имени Уэстон. Он тоже играл в хоккей.

– Клянусь богом, Саммер. – Она поворачивает голову в мою сторону. – Если ты скажешь, что дружишь с Бруксом Уэстоном, я тебя стукну.

– Нет, – показываю я ей язык. – Когда мы начинаем обсуждать парней, постоянно выходит так, что имеем в виду одного и того же человека... Тебе не кажется это странным? Я не знала, что Уэстон поступил в Гарвард, думала, он уехал на западное побережье. – Перехватив ее взгляд, ухмыляюсь. – Расслабься, мы с ним не лучшие друзья, просто в школе тусовались вместе. Он веселый парень.

– Он злобный демон.

– Что не делает его менее веселым парнем.

– И то правда, – неохотно соглашается она. – Просто не люблю, когда мои друзья якшаются с врагами.

Бренна поднимает указательный и средний пальцы, затем указывает ими на свои и на мои глаза по очереди.

– Я слежу за тобой, Барби из Гринвича.

– Я люблю тебя. Ты моя родственная душа, – широко улыбаясь, наклоняюсь и чмокаю ее в щеку.

– Вот дурочка. – Она закатывает глаза, а затем переключает внимание на игру.

Со зрительского места на стадионе хоккейный матч представляется ужасной суетой. На льду постоянно что-то быстро и кардинально меняется, стоит отвернуться на долю секунды, и окажется, что смотришь уже совершенно другую игру.

Только что атаковал Гарвард, теперь очередь Брайара. Наши нападающие рвутся в зону противника, но оказываются вне игры.

– Давайте, мальчики! – кричит Бренна и нетерпеливо ругается. – Соберитесь!

– Ничего не соберешь, когда ты сосешь!

Не оборачиваясь, она показывает ему средний палец.

Слева от ворот Брайара проводят вбрасывание²³. Центральные нападающие напоминают свернувшихся кольцом гремучих змей, готовых к броску, как только упадет шайба.

– Нейт по центру, – сообщает мне Бренна, – справа от него Фитц, слева – Хантер.

Невольно перевожу взгляд на Фитца, который играет под номером 55. Из-за защитного шлема его лица не видно, но можно представить, как он сосредоточенно морщит лоб.

²³ Ввод шайбы в игру в начале каждого периода или после остановки игры свистком судьи на льду.

Шайба падает, и Нейт выигрывает вбрасывание. Он делает пас Фитцу, который умело работает клюшкой, обходя обманным финтом двух противников. Трудно поверить, что такой массивный человек может двигаться так грациозно. Его почти двухметровое тело оказывается в зоне Гарварда, и возбуждение охватывает ряды людей, одетых в черные и серебряные цвета.

Шайба выброшена за ворота, Фитц гонится за ней. Он отшвыривает кого-то на бортик и вытаскивает шайбу клюшкой, затем совершает быстрый удар по воротам. Вратарь легко отражает его, но не думаю, что Фитц надеялся забить. Он рикошетом послал шайбу Хантеру, который прямой наводкой бьет по воротам.

Вратарь Гарварда с трудом отбивает и эту атаку.

– Ну почему?! – испускает вопль Бренна.

– Потому что мы лучше вас! – подпевает ее заклятый друг сзади.

На жалкую секунду я отворачиваюсь, чтобы взглянуть на грубияна, а Брайар уже упустил шайбу. Игрок Гарварда передает ее Уэстону, тот пасует Коннелли, и я внезапно вспоминаю слова Бренны об атаке этого игрока.

– Давай же! – подбадриваю я защитника Брайара, пустившегося в погоню за капитаном Гарварда.

Но молнию нельзя догнать. Коннелли слишком быстр. Словно Киану Ривз из «Матрицы», двигаясь влево и вправо, он удаляется от потенциальных помех. Если бы на льду из-

под ног летела пыль, все игроки команды Брайара остались бы ею покрыты.

Бренна стонет и поникает головой. Коннелли бьет по воротам. Подруга, в отличие от меня, даже не смотрит. Не могу побороть разочарование при виде шайбы, пролетевшей мимо перчатки Корсена.

– ГО-О-О-ОЛ! – ревет голос из динамиков. Секундой позже раздается сигнал, отмечающий конец игры.

Фанаты Гарварда взрываются от радости: Брайар проиграл.

* * *

После игры мы не торопимся покинуть стадион. Бренна хочет поздороваться с папой, прежде чем тот сядет в автобус команды и отправится назад в Брайар, а я собираюсь разыскать Брукса Уэстона.

Насколько мне помнится, он устраивал лучшие вечеринки в школе. У меня классные родители, но они не позволяли мне или братьям собирать дома много друзей. Мистер и миссис Уэстон постоянно находились в разъездах, так что их сын почти каждые выходные получал огромный особняк в личное распоряжение. Что только не творилось у него на заднем дворе, созданном по образцу двора с гротом в особняке Playboy. Я почти уверена, что целовалась с одним или двумя парнями за искусственным водопадом.

– Встретимся у входа в десять, – предлагает Бренна. – Если ты собралась во что бы то ни стало поболтать с врагом, хотя бы выведай у него какие-нибудь тайны.

– Сделаю все, что смогу, – даю слово.

Она растворяется в толпе. Я пробираюсь по широкому коридору к раздевалкам команд, где натыкаюсь на горстку охранников и множество девушек. Бренна предупреждала, что фанатки задерживаются после матча в надежде привлечь внимание какого-нибудь игрока. То же самое происходило, когда Дин был в команде. Остановившись в отдалении, быстро набираю СМС для Уэстона, надеясь, что номер не изменился после окончания школы.

«Привет! Это Саммер Х.Д.Л. Здесь с подругой, жду тебя у раздевалки. Выйди поздороваться. Соскучилась».

Имя упомянула на случай, если он удалил мой номер. Хотя, у него нет на это причин. Мы не бывшие, не ссорились после окончания школы.

Я решаю дать ему пять минут, и, если не выйдет, идти искать Бренну. Но Уэстон не подводит. Спустя пару минут он несется ко мне.

– Ура-а-а! Саммер! – он подхватывает меня на руки и радостно кружит, а ожидающие поклонницы наверняка желают мне смерти. – Что ты здесь делаешь?

Кажется, он очень рад меня видеть. Должна признать, это взаимно.

Он отпустил темно-русые волосы подлиннее, чем в школе, почти до подбородка, но серые глаза смотрят по-прежнему лукаво. Они всегда блестели, словно Уэстон замышляет что-то нехорошее. Я никогда не встречалась с ним отчасти потому, что он был (и, подозреваю, остается) сущим жеребцом. К тому же, гулял с одной из моих подруг, поэтому согласно девичьему кодексу чести я исключила его из круга любовных интересов.

– Учусь в Брайаре, – сообщаю я ему, высвободившись из объятий.

У него отвисает челюсть.

– Ты что, издеваешься?

– Не-а. С этого семестра.

– Разве ты не должна была посещать Браун?

– Я и там училась.

– А, понятно. И что произошло?

– Долгая история, – признаюсь я.

– Дай-ка угадаю... – одной ручищей Уэстон приобнимает меня за плечи и продолжает тоном заговорщика: – ...тебя очень вежливо попросили уйти из-за вечеринок и интриг?

Примерно полсекунды я изображаю возмущение.

– Ненавижу, что мы вместе учились в школе, – произношу ворчливым тоном.

– Почему? Я слишком хорошо тебя знаю? – ухмыляется парень.

– Да, – я неохотно соглашаюсь. – Но, к твоему сведению,

я даже не была на вечеринке, когда все произошло.

Вот и все, что я могу сказать, ведь мне до сих пор ужасно стыдно. Лишь мои родители знают историю целиком, мне никогда не получалось ничего от них скрыть. Во-первых, они юристы и мастерски умеют добывать информацию, совсем как русские шпионы. Во-вторых, я их обожаю и не люблю иметь от них секретов. Естественно, не выкладываю им *все подряд*, но уж скрыть такое значимое происшествие, как пожар в особняке студенческого общества, точно бы не вышло.

– Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть! – Уэстон снова обнимает меня.

О да. Фанатки точно меня ненавидят.

Обстановка в коридоре накаляется, когда к нам присоединяется еще один игрок. Жадные взгляды и приглушенные голоса подсказывают, что именно его ожидало большинство.

– Коннелли, это Саммер, – знакомит нас Уэстон. – Мы вместе учились в школе. Саммер, Джейк Коннелли.

Суперзвезда, вырвавшая победу для Гарварда. О боже. Я действительно якшаюсь с врагом. Этого парня Бренна ненавидит.

А еще он невероятно симпатичный.

Я теряю дар речи, потому что никогда не видела такого насыщенного оттенка зеленых глаз. Готова поклясться, его скулы изящнее моих, хотя женственным он не выглядит. У него точеные черты лица, как у молодого Клинта Иствуда. Полагаю, можно считать его Скоттом Иствудом? Ох, да какая

разница. Я могу лишь сказать:

– М-м-м.

С трудом заставляю себя отвлечься.

– Привет, – протягиваю ему руку, – как к тебе лучше обращаться? Коннелли или Джейк?

Он окидывает меня долгим взглядом, и, судя по легкому изгибу губ, я пришлась ему по вкусу.

– Джейк, – произносит он и быстро пожимает мне руку теплой ладонью с длинными пальцами. – Ты ходила в школу с Бруксом?

Не думаю, что прежде хоть раз слышала, как кто-то зовет Уэстона «Бруксом». Понятно, что это его имя. Но даже родители называли его Уэстоном.

– О, да, мы давно знакомы, – подтверждаю я.

– Тусовались вместе, – сообщает Уэстон, снова обнимая меня. – И это прекрасно, потому что сейчас мы отправляемся на вечеринку. И ты идешь с нами.

– О, я... – невольно тушуюсь.

– Ты идешь, – повторяет он. – Мы не виделись года три, нужно наверстать упущенное. – Сделав паузу, продолжает: – Только не говори там никому, что учишься в Брайаре.

– А ты учишься в Брайаре? – с любопытством оживляется Джейк.

– Ага. Знаю, знаю, я враг, – посылаю убийственный взгляд Уэстону. – Где будет вечеринка?

– В доме моего друга к западу от Кембриджа. Не слишком

шумная. Там очень спокойный народ.

Я никуда не ходила с той самой новогодней вечеринки, так что идея пообщаться и выпить пару стаканчиков кажется заманчивой.

– Я пришла с подругой, – вспоминаю о Бренне.

– Зови ее, – пожимает плечами Уэстон.

– Не знаю, захочет ли она пойти. Она ярая фанатка хоккея, но болеет за Брайар и ненавидит тебя.

– Да пусть хоть за дьявола болеет, – хохочет он. – Здесь же не «Банды Нью-Йорка», детка. Нам разрешено общаться с людьми из других университетов. Я сброшу тебе адрес.

Заметив, что Джейк все еще смотрит на меня, я уточняю:

– Точно не против, чтобы мы пришли?

– Это же не мой дом, – пожимает парень плечами.

Не знаю, говорит ли он буквально о месте проведения вечеринки или хочет образно сказать, что не имеет права возражать, но я ответ принимаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.